

Дмитрий Смелянов

ТВЕРСКОЙ
БАСКАК

Дмитрий Анатольевич Емельянов

Тверской Баскак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69471655

SelfPub; 2023

Аннотация

Монголо-татарское нашествие осенью-зимой 1237 года – самая мутная и противоречивая страница русской истории. К официальной версии вопросов не счесть, но ответов на них никто и никогда не даст. Выход только один, увидеть все своими глазами! Вот вы хотели бы увидеть, как там было на самом деле? Главный герой не хотел и согласился, не веря, только чтобы от него отстали. Получилось совсем не так как он ожидал, и учитель истории из наших дней оказался на пороге грозных и поворотных событий в истории нашей страны. Что с ним будет? Решит ли он просто отбыть свой срок и вернуться обратно к мирной и спокойной жизни, или ему захочется хоть что-нибудь изменить. Свернуть ход истории с проторенного русла и открыть для России новую, еще не изведенную дорогу.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	73
Глава 7	85
Глава 8	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Дмитрий Емельянов

Тверской Баскак

Тверской Баскак

Нашествие монголо-татарских орд Батые осенью-зимой 1237-38 года – самая мутная и противоречивая страница русской истории. Официальная версия не выдерживает никакой критики, вопросов не счесть!

Неудивительно, что школьный учитель согласился на предложение лично побывать в самой гуще событий и увидеть все своими глазами. Думал шутка, ан нет! Раз, и он уже в тринадцатом веке, а с возможностью вернуться все совсем непросто. Да и нужно ли назад, когда здесь и сейчас можно исправить столько бед и направить историю России по новому, еще не изведанному пути?!

Часть 1

ПОСОЛ

Глава 1

В ушах стоит странный звон, словно бы я лежу посреди густой травы, а вокруг мириады всевозможных букашек стрекочут мне прямо в мозг. И почему-то вдруг становится так страшно, что глаза не хочется открывать, а голову давит ощущение чего-то жуткого и непоправимого. Сквозь весь этот депрессняк в рассудок вдруг прорывается первая здравая мысль:

«Пора завязывать...»

Немного успокаиваюсь. Раз я способен себя осуждать, то значит не совсем еще спятил, значит, надо просто открыть глаза и все вернется к опостылевшей, но такой милой и надежной реальности. Поднимаю веки. Ощущение полной безнадеги и абсурда принимает живые формы. Вокруг густая высокая трава, и я в этой первозданной степи лежу, уткнувшись мордой в землю.

Поворачиваю голову: «Что это, ночной кошмар, переходящий в реальность?!»

Откуда-то сверху парит солнце, птички чирикают. Все так умиротворяюще буднично, что от этого хочется заорать еще больше:

«Я-то как оказался в этом раю?!»

Приподнимаюсь и сажусь на колени. Трава по грудь, и во-

круг, насколько хватает глаз, повсюду зеленое море. Странно, что я чувствую себя отлично. Голова не болит, руки ноги не дрожат, вот только не помню ничего. Поднимаюсь на ноги, на шее что-то заболталось увесистое и угловатое. Глянул себе на грудь.

«Мать честная! Крест золотой висит!»

Обвожу себя взглядом сверху вниз. Черный шелковый халат до пят, на ногах деревянные сабо, а на голове высокая войлочная шапка. Заторможенно сую руку в карман и так же медленно вытаскиваю жменьку семечек. Оторопело пялюсь на свою ладонь, а в сознании вдруг как кадр из кинофильма всплывает картина.

Я в бане у своего школьного приятеля Сени Кафтанова. Мы выбегаем на крыльцо после парилки. В лунном свете белеют сугробы. Торопливо топаем по ступенькам к реке. Парит вырубленная во льду полынья. Сеня стаскивает с себя халат и отдает мне. Снимает золотой крест, по-барски вешает мне на шею и с криком сигает в прорубь. В прорубь?!

Обвожу взглядом бескрайнюю цветущую степь, и сердце щемит от полного безумия ситуации. В памяти опять появляется зимняя ночь, фыркающий как морж Сеня и мой крик: «Да ну, нафиг!». Ежась, натягиваю на себя его халат и бегу обратно в баню. Хлопает дверь. В просторном предбаннике накрытый стол, громкий пьяный гул. Крепкий животастый мужик орет, выпучив глаза:

– Какие монголы?! Не пори чушь! Не было никакого ига.

Все это придумали позже для, так сказать, укрепления общеимперского патриотического духа.

Ну конечно, о чем еще могут спорить русские мужики по пьяни, либо политика, либо бабы, либо история. Да, да, именно в таком порядке: политика, бабы, история. Протискиваюсь на лавку поближе к камину, и тут рядом какой-то мужичонка возник. Козлиная бородка, сам весь словно высушенный, и глаза ледяные-ледяные. Помню, я аж поежил-ся, а тот спрашивает, и голос его звучит мягенько так и чуть насмешливо:

– Ну, а вы, молодой человек, что думаете, было иго-то?

Я эти споры не люблю. Бессмысленные они. Было, не было, какая теперь разница. Чего кипятиться и горло драть, но этот мужик не отстает и смотрит так, что не ответить ему невозможно. Улыбается вроде по-доброму, но ощущение такое, словно на оскаленную волчью морду смотришь, и слова его в голову ложатся, а губы у старика даже не шевелятся.

– Вы же историк, что вы думаете?

Что бы я не думал, но тогда мне захотелось гадость какую-нибудь ему сказать, чтобы не лез. Говорю:

– Конечно, было, и только глупцы могут отрицать очевидное.

Мужичок этот вдруг улыбнулся одними глазами и спрашивает:

– А вы хотели бы увидеть все своими глазами?

Сейчас-то мне не до смеха, а вот тогда просто смешно ста-

ло. Повернулся к нему и, взглянув прямо в глаза, усмехнулся.

– Нет, не хотел бы. Я реалист и прекрасно понимаю, что в том мире и дня бы не прожил. Языка не знаю, оружием не владею, ничего не умею...

Старик веселья моего не оценил и глазками своими колючими так и прожег.

– Разумно. А говоришь ничего не умеешь, торговаться то можешь.

Я тогда не понял о чем он, а мужичок ладонь свою костистую на руку положил и в самую душу мне так и глянул.

– А если бы я тебе позволил на всех тогдашних языках говорить и пообещал бы, что живой и здоровый вернешься обратно. – Он насмешливо прищурился. – Скажем через годик. Согласился бы?

У меня от его ладони мурашки по телу побежали, хоть у самого пламени сию. Думаю, чего пристал то ко мне, старый хрыч. Вон народ спорит до хрипоты, им интересно. Так и доставал бы их своими предложениями идиотскими. Молчу, а старик не отстает.

– Так что?

Кто меня за язык дернул тогда, не знаю. В бредятину его я, конечно, не поверил и почти смеясь говорю:

– Ну если уж ты такой всемогущий, то отчего бы и не посмотреть.

Старик лишь молча покивал, бородку свою огладил, и в

глазах его блеснула странная озорная искра.

– Что ж, договорились, но и у меня одно условие есть. – Его губы впервые растянулись в усмешке, показывая маленькие острые зубки. – Ты только смотришь. Никуда не вмешаешься и ничего не пытаешься изменить. Нарушишь договор, и я свои обещания заберу обратно.

Разговор этот пролетел в памяти за мгновение, но так четко, словно я секунду назад шепот старика слышал. Была еще крохотная надежда, что все это розыгрыш, и как-нибудь обойдется, но чем дольше я смотрел на бескрайний степной горизонт, тем все меньше и меньше сам в это верил. Такие декорации ни в какой студии не сделаешь, да и кому бы в голову пришло тратить безумную кучу денег, чтобы пошутить над нищим учителем.

Стою, смотрю на колышущееся травяное море и успокаиваю себя тем, что если уж это реальность, то мне в ней обещана безопасность. Мысли роятся в голове сотнями вопросов:

«Безопасность. Ты сам то в это веришь? Но ведь как-то я сюда попал, не держали же меня до весны где-то в подвале, а потом вывезли за тысячу километров и бросили! Чуть! В любом случае надо что-то делать. Или нет? Может просто стоять на месте и ждать, когда все само собой разрешится».

Словно в ответ на мои сомнения, на вершине дальнего холма вдруг блеснуло отраженное солнце, и на голубой линии горизонта показались едва различимые темные точки.

Кто, что – не видно, просто маленькие точки, но у меня екнуло сердце. Вот оно! Момент истины! Сейчас все станет ясно.

Черные фигурки, вытягиваясь в линию, начали спуск, с каждой минутой все больше и больше приобретая форму всадников. Время тянется медленно, но я стою и жду так, словно ко мне приближаются и не люди вовсе, а сама неотвратимая судьба. Солнце печет в затылок и чувствую, как по спине побежала холодная капля пота. Это не от жары, это от нервов. Напряжение, перемешанное со страхом и ощущением, что вот сейчас исчезнет последняя надежда избавиться от этого кошмара.

Всадники остановились в шагах пяти. Впереди коренастый узкоглазый крепыш в распахнутом овчинном полушубке на голое тело. Жесткое, словно вырезанное из камня лицо, холодные прорези глаз, на голове меховая волчья шапка. Несмотря на критичность момента, удивляюсь отсутствию пота на пергаментной, прорезанной морщинами коже. Крепыш обернулся назад и обратился к кому-то из стоящих позади:

– Спроси, что делает здесь священник их распятого бога? Тот, к кому обратились, выехал вперед.

– Ты что тут делаешь, ксендз? – Из-под белой чалмы сверкнули пронизательные глаза на смуглом лице.

«Ксендз? – Я все еще в полной прострации перевожу взгляд с одного на другого. – Он назвал меня ксендзом. По-

чему? Так, если мне не изменяет память, звали католических священников где-то в Польше».

Смотрю на зеленый шелковый халат всадника, его красные шальвары, загнутые носы начищенных сапог. «Что за клоун?!»

И тут до меня окончательно доходит.

«Я понимаю все, что они говорят. Более того, точно знаю, тот крепыш говорит на монгольском, а «клоун» лопочет на тюркском с хорезмийским акцентом, а это значит только одно. Старик в бане не плод моего пьяного кошмара и случилось действительно нечто ужасное. Где я? Какой сейчас год? Кто эти люди? Хорезмийский акцент? Там, где был Хорезм давно уже говорят по-узбекски!»

Подумав, ловлю себя на том, что отлично понимаю разницу между узбекским двадцать первого века и тем языком, на котором говорит этот мужик в чалме. Эта мысль меня доконала и заставила окончательно поверить в достоверность происходящего.

«Теперь надо сложить все в одну кучу и что-то решать. От меня ждут ответа и от того, что я сейчас скажу будет зависеть моя дальнейшая судьба. – Мысли хаотически кружатся в голове в поисках правильных слов. – Они считают меня священником. Почему? Идиот! У тебя же крест с ладонь болтается на груди и халат черный как сутана, на кого еще ты можешь быть похож в мире, где летом носят шубу на голое тело?! Ладно! И что это мне дает? Ничего! А почему они ду-

мают, что я католик? Господи, да потому что крест с распятием! Сеня, как был ты придурком в школе, так им и остался! Верующим вдруг стал, за православие горой, а сам даже крест правильный выбрать не смог».

Чувствую, ситуация накаляется, ладонь крепыша уже легла на рукоять сабли.

«Надо что-то решать! Может и хорошо, что они меня за священника принимают. Как я помню, монголы священников и церковь не трогали, даже налогом не облагали. Тогда, кто же я, и что тут делаю? Что вообще католику делать здесь? Стоп! Был какой-то представитель папы римского при дворе хана, Плано Карпини, кажется. Значит, теоретически я тоже могу быть посланцем папского двора. Посланцем куда? Какой же сейчас год?»

Понимаю, что тянуть с ответом больше нельзя и бросаюсь как в омут головой.

– Я, Иоанн Манчини, нунций папы римского, – тут запинаюсь, потому что легко справившись со своим именем, вдруг осознаю – надо добавить имя папы, а я понятия не имею, кто там в Риме сейчас занимает святой престол. К счастью для меня, имя папы «клоуна» не заинтересовало, а вот то, что я отвечаю на чистом хорезмийском диалекте впечатление произвело.

В глазах всадника в чалме засветился неподдельный интерес.

– Ты говоришь, как житель Бухары. Откуда знаешь язык?

«Играть с листа, так играть».

Решившись, я полностью отдаюсь импровизации.

– Несущему слово божие многое приходится знать и многое уметь. – Все верно, довольно успокаиваюсь. Надо говорить много, многозначительно и непонятно, это всегда производит впечатление. Пока думаю, чтобы еще добавить, замечаю серебряную цепь на груди монгола и болтающуюся на ней бронзовую табличку. Тут же мелькает мысль:

«Пайзца! У монголов это, как у большевиков мандат! Скорее всего, этот крепыш следует по приказу великого хана».

Не успеваю обдумать свое умозаключение, как вдруг неожиданно для самого себя склоняю голову в сторону степного батыра и выдаю на чистом монгольском.

– Представителю великого хана мое глубочайшее почтение.

Теперь удивление написано на лице не только хорезмийца.

– Зачем ты здесь? – Узкие щели прищуренных глаз впились мне в лицо. – Идешь в Киев?

«Хорошо, когда тебе дают подсказку, – радостно вспыхивает у меня в голове, – если еще скажут зачем, то вообще будет замечательно».

Выдерживаю максимально возможную паузу, но видимо «помогать» мне больше никто не собирается, и я соглашаюсь.

– Да, иду к князю киевскому.

Тут же получаю, как говорят американцы, fucking question.

– Зачем?

Надеваю на лицо маску смирения и почтительности.

– Дела веры и воля святого престола направляют стопы мои.

Как ни странно, мой идиотский ответ всех устроил. Хорезмиец, оценив меня еще одним пронизывающим взглядом, вдруг нагнулся к уху монгола и что-то зашептал. Выражение лица у сына степей ничуть не изменилось, но едва заметный кивок я все же заметил.

«Интересно, что это значит для меня?»

Невысокая коренастая лошадка сделала несколько шагов, и зеленый халат всадника заслонил мне небо. Голова в белой чалме нагнулась в мою сторону.

– Даже божьему человеку путешествовать в одиночку небезопасно, мир вокруг полон зла.

Молча жду продолжения, а у самого в голове свербит: «Интересно, это угроза или скрытое предложение?»

Прищурившись, хорезмиец помолчал, словно оценивая эффект сказанного и не дождавшись от меня какой-либо реакции, продолжил:

– Посол великого хана готов оказать гостеприимство и защиту служителю веры на его пути в Киев.

«Так, занятно. – Держу на лице равнодушную маску. – А что потребуют взамен? Благодарить, по-моему, рановато».

Всадник выпрямился в седле и нахмурил брови.

– Так что ты молчишь, нунций? Благодарю нойона Турслан Хаши за милость.

Почтительно склоняю голову.

– Безмерно благодарен нойону за его доброту, но как говорят у нас в Риме, ни одно доброе дело не должно остаться неоплаченным. – Успев мысленно похвалить себя за ловко введенное упоминание про Рим, поднимаю взгляд. – Чем я смогу отплатить послу Великого хана?

Хорезмиец вновь переглянулся с монголом и, получив еще один одобрителный кивок, снова навис надо мной.

– Твои познания чужих наречий достойны удивления, а говоришь ли ты так же хорошо на языке руссов?

Мне хочется пожать плечами и сказать «наверное, кто ж его знает», но произношу вслух как можно уверенней.

– Да, язык руссов мне знаком.

Вместе с удовлетворением на лице хорезмийца появляется заговорщицкая ухмылка.

– Я, Фарс аль Хорезми, помощник и переводчик могучего нойона Турслан Хаши. Я понимаю руссов, но... – Он немного замялся и беспокойно дернул головой в сторону монгола. – Как бы это сказать, недостаточно хорошо что ли, а впереди у нас непростые переговоры с князем Ярославом. Турслану Хаши хотелось бы знать все мелочи. Все те обрывки фраз, недосказанности, коими киевляне будут обмениваться между собой. Моих знаний для этого недостаточно, а твоих?

Скажи мне, ты способен понимать беглую речь, недомолвки и прочий двойной смысл, которым так богат говор уррусов?

«Ага, в шпионы меня вербуете! – Делаю глубокомысленный вид, мысленно перебирая варианты. – Почему-то мне кажется, что эти ребята отказов не принимают. Что они сделают, если я скажу им сейчас – идите вы в задницу, я за своими шпионить не буду. Скорее всего, саданут саблей по башке и поедут себе дальше, как ни в чем ни бывало. И никакая защита колдовская не поможет. С другой стороны, чего мне отказываться. В одиночку я тут сдохну от голода, или волки сожрут, а так хоть до Киева довезут. Судя по виду, переводчик этот в русском ни фига не шарит и контролировать меня толком не сможет, как переведу, так и будет. Опять же, если что, всегда смогу своих прикрыть, если те ляпнут чего-нибудь не то».

Смотря прямо в глаза хорезмийцу, изображаю такую же понимающую ухмылку и отвечаю так же витиевато:

– Я, Иоанн Манчини, готов помочь великому послу в ответ на его доброту.

Клоун в зеленых штанах, довольно кивнув, повернулся к своему шефу.

– Он согласен.

Он говорил на тангутском, явно в надежде, что я не пойму, и я не стал его разочаровывать. Лицо монгола, хранившее спокойную невозмутимость, ничуть не изменилось, он лишь молча подал знак своим воинам и едва заметным дви-

жением колен тронул своего коня.

Хорезмиец, как, впрочем, и весь караван, тут же последовал за ним. Грузенные лошади и верблюды проплывали мимо меня, и я как замороженный смотрел на проходящих мимо животных, на притороченные тюки и мешки, на лица всадников, только сейчас по-настоящему осознавая, что все это не игра, не постановка, а чудовищная реальность в которой мне придется выживать.

Глава 2

Не дав по-настоящему впасть в уныние, прямо передо мной остановился молодой монгол, держа в поводу оседланную лошадь. Узкоглазое лицо с едва пробивающимися усиками расплзлось в подобии улыбки.

– Тебе. Бери. – Кожаная уздечка полетела мне в руки, а всадник, ткнув пятками в бока лошади, рванул за своими, оставив меня разбираться с конякой один на один.

Опасливо покосившись на равнодушно жующую морду, успокаиваю себя тем, что лошадка вроде бы смиренная. В памяти сразу всплыли строки из каких-то описаний, что степные лошади отличались злобным характером, никогда не подпускали к себе чужаков, а в бою лягались и кусали коней противника. Слава богу, эта кобыла оказалась исключением, она не переставала спокойно жевать все то время, пока я пытался забраться ей на спину. С третьей попытки мне все же это удалось, и я в сердцах обругал недавнего монгола:

«Кинул уздечку и поехал! Молодец, тоже мне, а то, что человек может быть впервые на лошади сидит, ему в голову не приходит».

Кобылка, покосившись на меня, засемила ногами вслед остальным, и я сразу же понял, что езда на лошади удовольствие еще то. Каждый ее шаг ударами молотка вбивался в

мой позвоночник, как я ни старался самортизировать. К счастью, мы скоро догнали караван, и моя мучительница, пристроившись в хвост последней лошади, перешла на шаг.

«Вот это совсем другое дело. – Облегченно выдохнув, я поудобнее устроился в седле. – Так еще можно жить».

От меня больше ничего не требовалось. Кобыла сама шагала вслед остальным, иногда улучая момент потянуться за травой, и мне оставалось лишь не свалиться с нее, что было непросто, поскольку от монотонности движения сразу же заклоныло в сон. В голову полезли картинки из совсем недавней, но уже прошлой жизни, смутные воспоминания с последней и так неожиданно закончившейся попойки.

«Зачем я вообще поперся туда. – Подумал я с запоздалым раскаянием. – А с другой стороны, это же Сеня. Мы с ним в один детский сад ходили, в одну секцию бокса, с первого класса за одной партой все десять лет. Да, он списывал у меня все контрольные и вообще бегал за мной как хвост. Сейчас, правда, он успешный бизнесмен, и денег у него полно, не то что у меня. Пути наши давно разошлись, но по старой памяти Сеня всегда зовет меня на свои гулянки. Думаю, ему просто приятно снисходительно похлопать меня по плечу, учитывая, что я всего лишь учитель истории в той самой школе, в которой мы с ним когда-то учились. Учитель со своей учительской мизерной зарплатой. Почему? Да я и сам не скажу. Мать в универе работала. Сказала, есть возможность поступить на бюджет только на истфак. Пойдешь?»

Я и пошел. Мне все равно тогда было куда, лишь бы в армию не забрали, а после нашего универа есть только две дороги: либо в продавцы в супермаркет, либо в учителя. Я выбрал школу и в общем-то не жалею. Оказалось, я умею ладить с детьми, сам недавно таким же был. Все бы ничего, денег только совсем нет. В этом то, пожалуй, и кроется ответ. У Сени всегда все с размахом. Отличная еда, выпивка, к тому же баня и девчонки... В общем все то, чего у меня давно уже не было. Халява, вот он наш извечный соблазн».

Мой взгляд упирается в синее безоблачное небо, и рот кривится в ироничной усмешке.

– Господи, ведь все любят халяву, почему же только мне одному приходится за это расплачиваться?

***

Лошади, как заведенные, шагают по брюхо в густой траве, всадники плавно покачиваются в седлах. Прожаренная солнцем бескрайняя степь давит своей вселенской бесконечностью.

Громкое жужжание овода возле уха, и я со всей дури хлопаю себя по шее.

«Есть! – Со злым удовлетворением провожаю взглядом летящее на землю насекомое. – За все надо платить в этой жизни, дружок».

Желтый раскаленный диск слепит прямо в глаза, наводя меня сразу на две мысли: «Едем почти точно на запад, и дело движется к вечеру».

Первая вообще ни о чем, а вот вторая наполняет меня надеждой – значит, скоро будут искать место под ночевку, и попытка конским седлом на сегодня закончится. Приободрившись, набираюсь терпения и жду.

Ожидание, к моему величайшему сожалению, затянулось, и гортанный крик старшего каравана раздался только, когда уже начало смеркаться. Сползаю с седла и чувствую, как дрожат и подкашиваются ноги.

«Кто бы мог подумать. – Делаю неуверенно-корявый первый шаг. – Всего лишь несколько часов просидел на спине у смирной кобылки. Что же дальше то будет?»

Опускаюсь на землю, разглядывая спящих вокруг людей. Все действуют как идеально, раз и навсегда, отлаженный механизм. Быстро, четко и без лишней суеты. В первую очередь, занялись лошадьми, сняли поклажу, напоили и, стреножив, отпустили пастись. Только потом запылали костры, и кочевники занялись едой для себя.

«Интересно, – втянув носом запах варева, задаюсь вопросом, – кормежка входит в общий пакет приглашения или нет?»

Словно услышав мои мысленные сомнения, как чертик из табакерки, вынырнул откуда-то хорезмиец и, слащаво улыбаясь, обшарил меня глазами.

– Нойон Турслан Хаши приглашает тебя к своему столу.

Не забыв поблагодарить почтительным кивком, поднимаюсь, и вдруг, останавливаюсь пораженный своей глупостью.

«Ты идиот! Они что, пожрать тебя просто зовут. Сейчас начнется. Откуда пришел? Зачем тебе князь киевский? Ты бы хоть подготовился. К примеру, если ты идешь с запада, то как оказался здесь – на востоке от Киева? Заплутал?»

Спина в зеленом халате двинулась вперед, и я последовал за ней, лихорадочно пытаюсь построить сколько-нибудь приемлемую легенду.

«Можно сказать, иду с Польши. Перешел Днепр в районе Смоленска, дальше Чернигов, а потом захотел срезать и зашел не туда. Нет, города упоминать нельзя. Подставлюсь. Кто там, в Чернигове сейчас князь то? Ты же историк, мать твою! Вспоминай. Кажется, Михаил Всеволодович, и это все, что я могу сказать о Чернигове. Черт!»

Фарс аль Хорезми остановился и жестом пригласил меня к костру. Осмотревшись, вижу жарящийся на вертеле окорок, сидящего, скрестив ноги, посла и рядом с ним еще парочку его соплеменников, похожих друг на друга как две капли воды. Присаживаюсь на указанное мне место и, скромно сложив руки, жду, изображая полнейшее смирение и покорность судьбе.

Турслан Хаши, отрезав от жаркого изрядную часть, протягивает ее мне.

– Ешь.

Беру и вцепляюсь зубами в слегка обугленную конину. С трудом отрываю кусок несоленого, почти сырого мяса и понимаю: «Есть это невозможно».

Невозможно, но надо. Во-первых, в животе крутит от голода, во-вторых, отказаться, значит обидеть хозяев, а обижать хозяев чревато последствиями. Беру пример с сидящих напротив монгол и, пожевав для вида, попросту глотаю, в надежде на крепость своего желудка.

Едим молча, слышен лишь звук работающих челюстей и чмокание губ. Время от времени кто-нибудь, не стесняясь, рыгает и, утерев рот, продолжает есть. Надо сказать, что я веду себя ничуть не лучше других, поскольку по-другому грызть эту подошву невозможно. Отмучившись, иначе не скажешь, вытираю руки о полы некогда роскошного Сениного халата и принимаю пиалу с мутной белой жидкостью. Спрашивать что это, нет нужды, и так понятно. Кроме воды у монгол единственный напиток, это кумыс.

Мои гостеприимные хозяева с наслаждением выпивают по чашке, и я вслед за ними, причмокивая, изображаю удовольствие. Слава богу, ужин на этом заканчивается, и, помолчав немного, Турслан Хаши решает начать беседу совсем не с тех вопросов, к каким я готовился.

– Расскажи мне, чужеземец, о своем городе. Много ли народу живет в Риме, и правда ли, что он несметно богат?

Прозвучало это так, словно кошка спрашивает мышь, дей-

ствительно ли ты такая вкусная, стоит мне за тобой бегать? Подумав о том, что монголы до Рима так и не добрались, я решил изобразить простачка.

– Да, Рим огромный и богатый город. Он раскинулся на семи холмах и окружен высокой стеной.

Бесстрастная маска на лице монгола ничуть не изменилась.

– Много ли войска у царя Рима?

– В этом городе нет светской власти, Римом, как и всей областью правит папа – глава христианской церкви.

Впервые мои собеседники проявили интерес и переглянулись друг с другом.

Дальше пошли вопросы в том же духе, про города и земли на западе. Я говорил и говорил, а степняки сидели и внимали мне с таким вниманием, что у меня начали «вырастать крылья за спиной». Я все-таки учитель истории, и учитель неплохой. Меня даже мои ученики слушают, забывая про свои смартфоны, но эта троица стала апогеем моего ораторского искусства. Так меня еще никто не слушал, они смотрели мне в рот, словно оттуда сыпались золотые монеты, а я рассказывал, радуясь в душе, что моя собственная история их не интересует, поскольку никакой путной легенды мне до сих пор придумать так и не удалось.

Поразив монголов даром своего красноречия, помноженным на волшебные способности к языкознаниям, я почувствовал, что уважение ко мне неизмеримо выросло. На ночь

мне даже дали попону, чтобы не спать на голой земле, а с утра принесли воды и кусок лепешки с соленым сыром. Да и вообще, во взглядах всех без исключения появился интерес и почтение.

«Что ж, – мысленно усмехнулся я, взбираясь на лошадь, – великая сила слова еще не девальвировала себя бесконечным потоком телевидения и интернета».

***

Следующие три дня прошли в непрерывном желании сползти с этой проклятушей кобылы и, упав на землю, дать, наконец то, покой моей исстрадавшейся заднице. Я уже ни о чем другом и думать больше не мог, поэтому, наверное, последним увидел показавшие на вершине холмов купола киевских храмов. Издали город производил внушительное впечатление. Окруженный деревянной стеной верхний город белел вкраплениями каменных башен и остроконечными шпилями церквей. Ниже, широкой дугой, к самому берегу Днепра спускался подол, заросший словно грибами черно-желтыми соломенными крышами.

Почувствовав близкое окончание пути, караван перешел на рысь, и моя кобыла последовала вслед за всеми, лишив меня возможности любоваться открывающимся видом. Теперь все мои силы вновь были отданы борьбе за право усидеть на конской спине.

Со стороны города, навстречу нам закрубилось облако пыли, поднятое полусотней всадников, и я вдруг забеспокоил-

ся.

«А какой собственно сейчас год?» – Выяснить это ненавязчиво у моих новых попутчиков до сих пор не представилось возможности, а спрашивать напрямую я не решился, побоявшись вызвать подозрения и уже начал жалеть об этом. Ведь в летописях нет ни малейшего упоминания о посольстве Батяя к Ярославу в 1237 году, зато вот судьба послов Джэбе и Субудая к Мстиславу Киевскому 1223 года очень хорошо известна – всех их убили по приказу князя.

Старательно пытаюсь затолкать появившиеся страхи поглубже:

«Вспомни, ведь разговор в бане шел о 1237 году. А где гарантии?! Кто его знает, какая погрешность у этого старика? Отправлял в тридцать седьмой, а попал в двадцать третий. Пятнадцать лет туда-сюда при таких перемещениях, не такая уж большая ошибка, наверное, а вот для меня, все может закончиться очень печально».

Пока меня терзали сомнения, кобыла перешла на шаг и вскоре, вслед за всеми остановилась. Тут же рядом возник знакомый молодой монгол и потащил меня в голову каравана.

Подъезжаю к стоящим впереди Турслану Хаши и хорезмийцу. Последний, нагнувшись ко мне, шепчет.

– Молчи и слушай, потом расскажешь подробно обо всем, что скажут руссы.

Молча киваю, мол, понял, и смотрю на встречающих. С

полсотни крепких квадратных ребят в кольчугах и кованых шлемах. Бородатые лица смотрят недобро, но мечи пока в ножнах. Впереди двое, похожи друг на друга как журавль и енот. Один худой и высокий с длинным, вытянутым носом на узком породистом лице. Другой, маленький, широкий, с круглой скуластой физиономией и расплюснутым как у боксера носярой. Если бы не драматичность ситуации, я бы непременно посмеялся, но сейчас меня вряд ли чем можно развеселить.

Остановившиеся напротив встречающие молча чего-то ждут, и я бросаю быстрый взгляд на хорезмийца и снова на моих далеких предков. По лицам абсолютно точно видно, что обе стороны знают кто есть кто, но играют в какие-то непонятные мне церемониальные тонкости.

Пауза неприятно затягивается, и мне видно, как Турслан, наконец, подал знак хорезмийцу, и тот обрадованно обратился к руссам.

– Посол великого хана Бату к князю киевскому – Турслан Хаши со свитой...

Он еще что-то там витиевато лопочет, но я уже услышал то, что хотел и успокоился. «Раз Батый, значит все же 1237, и судьба этого посольства истории неизвестна. Все-таки лучше, чем заранее знать, что всех перебыют».

Дослушав посла и, смягчившись лицом, высокий тоже представился.

– Я, тысяцкий города Киева, Якун Намнежич, и... – Он

повел рукой в сторону своего квадратного спутника. – Княжий боярин, Дмитро Ейкович. По воле князя Киевского, Ярослава Всеволодовича, должны сопроводить тебя, посол, ко двору со всеми полагающимися почестями и уважением.

Слушаю внимательно, но думаю, что с этой представительской ботвой монгольский переводчик справится без моей помощи. Так и есть, после длительных словесных «реверансов», мы трогаемся в сторону города, и про меня пока не вспоминают. Русские занимают позицию спереди и сзади посольства, беря его в своеобразное кольцо. Монголы воспринимают это спокойно, храня на лицах полнейшую невозмутимость.

Вскоре показываются первые домишки, сначала редкие, но с каждой минутой застройка становится все плотнее и плотнее. Народу вокруг тоже прибавилось, мы приближаемся к рыночной площади, и едущий впереди отряд дружинников, не церемонясь, разгоняет любопытных. Удары нагайкой сыпятся направо и налево, и мне хорошо видно, как всякий раз при этом хмурится лицо киевского тысяцкого. Это наводит меня на мысль, что суздальско-новгородская дружина Ярослава не шибко ладит с местным населением.

Сверкая начищенным железом, наш караван словно гибкая блестящая игла прошивает бурлящую рыночную толпу и дальше уже ползет вверх по извивающейся дороге к белой воротной башне Верхнего города. При ближайшем рассмотрении кажущаяся издали монументальность тускнеет.

Во всем чувствуется запустение. Нижние венцы деревянных стен подгнили и явно требуют замены. Углы каменной башни облупились и выглядят так, словно их мыши погрызли.

Проезжаем в ворота, и настроение вновь меняется. По сторонам высятся добротные боярские терема, за высокими заборами шелестят листвой яблоневые сады. Вдоль избитой конскими копытами пыльной дороги появились деревянные тротуары.

С интересом кручу головой и с удовлетворением подтверждаю в голос.

– Что ж, слава первого города Руси еще не совсем покинула тебя, град Киев!

Мое высказывание на современном русском вызвало удивленный поворот головы тысяцкого.

– Ты на каком языке молвишь, латинянин?

«Вот блин!» – Мысленно крою себя и тут же пытаюсь сменить тему, переходя на чистый киевский диалект того времени.

– То старый, давно забытый говор, достопочтимый Якун. Тот, покачав головой, удивленно выражает сомнения.

– Надо же, а чем-то на наш смахивает.

Он еще пытается что-то добавить, но я не даю ему такой возможности и брякаю первое, что приходит на ум:

– Заметил, народ киевский не сильно жалует дружину Ярослава?

– Что... – Сбитый с толку таким резким поворотом, бо-

ярин произвольно позволяет себе быть искренним. – А с чего их жаловать-то?! Чужаки, они и есть чужаки!

Он тут же морщится, недовольный своей болтливостью и бурчит, бросая на меня подозрительный взгляд.

– Откуда ты, латинянин, нашу мову так хорошо ведаешь?

Вспоминая свой недавний опыт, надеваю на лицо маску полной бесстрастности и вещаю назидательно, как настоящий отец церкви.

– Все способности человеческие от бога, и только ему ведомо, что и кому дать и в какой мере использовать. Да светится имя Всевышнего и...

Тщетная попытка уловить смысл моей многословной речи отражается в глазах тысяцкого, но уже через мгновение гаснет, и я с удовлетворением отмечаю, что прием уже второй раз действует безотказно и в дальнейшем следует этим пользоваться.

Не получив толком ответа на свой вопрос, киевский боярин не успокаивается.

– А как же ты христианин, хоть и латинский, связался с нехристями этими?

Тут мне не удастся проявить дипломатическую сдержанность, и я возмущенно вспыхиваю в ответ:

– Да ни с кем я не связывался. Господин посол предложил мне помощь и защиту на пути в Киев, и я не счел для себе зазорным воспользоваться его милостью.

Лицо тысяцкого вновь морщится, и я понимаю, что выра-

жаться надо попроще, а тот удивленно переспрашивает.

– Так ты не с татарами, что ли?

Вскидываю голову, как и положено гордому посланнику Рима и отрезаю всякое продолжение подобного разговора.

– Я нунций святого престола, Иоанн Манчини. У меня особое поручение к князю Ярославу от папы, и к посольству хана я никакого отношения не имею.

Глава 3

На входе в княжий терем посольство разделили, Турслана Хаши вместе с хорезмийцем забрали куда-то наверх, а всех остальных, включая меня, завели в просторную палату и со словами – «Здесь будете пока, располагайтесь», оставили разбирать пожитки.

«Сюрприз, – с неприязнью разглядываю два десятка своих сокамерников, – последний раз, когда я делил одну комнату с таким количеством народа, был в армии, но там хотя бы кровати имелись, а здесь...»

Перевожу взгляд с одной лавки на другую. Их здесь всего несколько штук и все они уже заняты моими более расторопными попутчиками. Пока я раздумываю, народ привычно заполняет свободные места, раскладывая лошадиные попоны и рогожи прямо на полу.

Вздохнув, направляюсь к ближайшей стене, но тут вдруг с одной из лавок соскакивает коренастый крепыш и тянет меня за рукав.

– Давайте сюда, святой отец.

Он показывает на свое место, и я чувствую, что краснею. До этого дня мне никогда место не уступали. Отчего-то вдруг стало по-настоящему стыдно за свое вранье.

«Какой я к черту святой отец! – На душе стало еще тоск-

ливей от отчетливого понимания. – Для этих людей, все что происходит вокруг, совсем не игра. Это их жизнь, и я в ней совершенно чужой».

С благодарностью плюхаюсь на лавку рядом с гостеприимным степняком, а тот продолжает говорить.

– Ложитесь здесь, святой отец, а я на полу. Я привычный, не беспокойтесь.

Смотрю на узкоглазое широкоскулое лицо и ничего не слышу, потому что изо всех сил пытаюсь справиться с навалившейся хандрой. Уговариваю себя как ребенка:

«Не глупи, это же не навсегда. Всего-то годик протянуть и все. Ты подумай, тебе же повезло! Да за такой шанс любой историк полжизни бы отдал. Повезло тебе, несказанно повезло!»

Повторяю эти слова как заведенный, но краем уха слышу, что мой сосед все еще что-то говорит. Сначала, это звучит у меня в голове как белый шум, но по мере того как я успокаиваюсь, все больше и больше начинаю улавливать смысл. «Сегодня еще можно в город выйти, а вот что завтра будет неизвестно. Запрут всех на дворе, а может и того хуже».

Сказанное, меня неожиданно заинтересовало, и мой сосед видимо уловил это. Он вдруг оживился.

– Я к тому, что подарок жене обещал привезти. Киев город большой, когда еще такой шанс выпадет.

До меня, наконец, начинает доходить. Этот степняк не такой уж бессеребренник как мне показалось поначалу. Кажет-

ся, он хочет выйти на киевский рынок, но в одиночку идти опасается.

Моя догадка тут же подтверждается словами моего ново-
явленного доброхота.

– Здесь народ ушлый, в миг облапошат, а ты, святой отец, человек опытный, много повидавший. Опять же на местном языке говоришь. Помог бы ты мне. Обещал я невесте украшение из Киева привезти. Мастера здесь знатные, всем известно.

То, что этот кочевник уступил мне лавку отнюдь не из гуманных соображений, меня вдруг успокоило. «Ну вот, а ты рефлексируешь. Нечего тебе стыдиться, он попросту хочет тебя использовать. Нормальные человеческие отношения».

Монгол, не зная моих внутренних терзаний, не сводит с меня взгляда. По его застывшему в ожидании лицу видно насколько мое согласие важно для него, и решаю про себя:

«А почему бы и нет! Может быть этот степняк прав, и другого шанса побывать в средневековом Киеве у меня больше не будет»

Непроизвольно улыбаюсь своим мыслям, а вслух спрашиваю:

– Как зовут то тебя?

– Куранбаса. – С готовностью отвечает мой новый знакомый, и я с трудом переварив это странное имя, поднимаюсь.

– Ну что ж, пошли, Куранбаса, поглядим чем может удивить город Киев.

Пока идем, выясняю, что мой новый приятель вовсе не монгол, а кипчак. То бишь по русским понятиям – половец. Я то разницы между монголом и половцем не вижу, а вот местные, наверняка, распознают, и этого-то как раз «мой друг Куранбаса» больше всего и опасается.

«Наверное, он прав. – Размышляю, не сбавляя шага. – Половцу в русском городе есть чего бояться. Война со степью идет уже давно, и претензий у тех и у других накопилось немало. Чем я смогу ему помочь, не знаю, но парень явно на меня рассчитывает».

Мы уже вышли с княжьего двора, и стража у ворот лишь проводила нас скучающими взглядами. У главной башни верхнего города тоже никто нами не заинтересовался, и мы двинулись по дороге к подолу.

Вышли на центральную площадь – базар еще в полном разгаре. Народу не протолкнуться. Мой провожатый, словно зная куда идти, свернул налево, и мы, обойдя основную толкучку, выходим к лавкам золотарей. Их к моему удивлению и впрямь здесь немало. Идем по рядам, прицениваемся – в основном изделия из янтаря и речного жемчуга. На мой, избалованный двадцать первым веком вкус, так себе поделки, но у степняка глаза загорелись, видно, что ему нравится. Вот он, взяв с прилавка золотую сережку, поднял ее на уровень глаз и зацокал.

– Вах, вах, вах! Сириной самой красивой девушкой будет на свадьбе!

Купец в лавке мгновенно напрягся, не спуская с товара пристального взгляда.

– Эй, чужак, ты смотреть-то смотри, а руками не трогай!

Вижу, мужик в любую секунду готов выскочить и подкрепить свои слова делом. Поднимаю открытую ладонь в успокаивающем жесте и отбираю украшение у половца.

– Здесь так не принято. – Ложу сережки обратно и в этот момент слышу совсем рядом срывающийся на крик громкий голос.

– Ты пошто, крысеныш, цену то задираешь?!

Оборачиваюсь и вижу трех крепких парней в длинных кольчугах, подпоясанных широкими кожаными ремнями. Один из них, положив ладонь на рукоять меча, грозно надвинулся на купчину за прилавком.

– Мы что, по-твоему, на олухов деревенских похожи.

Продавец однако ничуть не испугался, а даже наоборот заорал зло и задиристо.

– Ты кого это крысенышем обозвал?! Думаешь, раз за князем стоишь, так на тебя, отродье ты новгородское, и управы не сыскать?!

Вот теперь мне стало интересно по-настоящему. Рассматриваю участников ссоры. Ребята в кольчугах чуть повыше будут. Длинные светло-русые волосы, бороды коротко стрижены, а лица скуластые, словно вырублены из камня. Киевлянин же черный, с такого же цвета бородой-лопатой. Кряжистый как пень, с круглым лицом и цепкими карими гла-

зами.

С иронией замечаю, что братья-славяне похожи друг на друга как небо и земля, а ситуация там уже накалилась до предела. Княжий дружинник, оставив в покое меч и выдохнув в сердцах:

«Ах ты пес!» – размашисто засадил кулаком в заросшее бородой лицо киевлянина. Тот кувыркнулся за прилавок, и оттуда донесся его залиvistый вой.

– Вы посмотрите, люди киевские, что деется! Среди бела дня дружина княжья народ честной грабит!

Я уже было подумал, что конфликт пришел к своему логическому завершению, но к моему великому удивлению, купец вдруг вылетел из-под прилавка и тараном попер на дружинника. Тот, видимо, ожидал подобного еще меньше, чем я и, не удержавшись на ногах, полетел на землю. Два сцепившихся человека, волтузя друг друга, покатались по пыльной дороге, а вокруг начала собираться любопытная толпа. Не прошло и пары секунд, как я оказался в самой гуще зрителей и вокруг послышались яростные крики.

– Дай ему, Фрол, дай!

– Неча новгородским тут права качать!

Очнувшись от неожиданности, два оставшихся на ногах дружинника бросились на подмогу товарищу, но это тут же вызвало взрыв недовольства у местных. Самые отчаянные встали на защиту купца, но и к княжьим людям тоже подтянулось подкрепление, и драка стремительно начала приоб-

ретать массовый характер. Вокруг меня замелькали сжатые кулаки, послышались звуки хлестких ударов и торжествующих воплей. Не понимая уже кто с кем дерется, я попытался аккуратненько выбраться из свалки, но не тут-то было. Какой-то крепыш вылетел из самой гущи и, вылупив безумные глаза, схватил меня за горло. Дальше уже сработали рефлексy, все-таки у меня когда-то был первый разряд по боксу. Короткий резкий удар в солнечное сплетение, и хватка крепыша мгновенно ослабла. Отскакиваю в сторону и тут же натываюсь на мужика в кольчуге, и тот, не раздумывая, замаивается для удара. Размах такой широкий, что это похоже на замедленную съемку.

– Н-на! – С выдохом бью в заросший бородой подбородок.

Мужик валится на землю, но за ним уже другой, и с боку больно прилетает по ребрам. Верчусь, раздавая удары направо и налево, костяшки уже разбиты в кровь, но в запале даже не чувствую боли. Отбиваясь, потихонечку пиваюсь назад, пока не ощущаю, как спина прижалась к холодной стене.

«Уже легче, мелькает в голове, – хоть с тыла прикрыт». Не успеваю подумать, как опора за спиной вдруг исчезает, и я лечу куда-то в пустоту.

Солнечный свет отсекается захлопнувшейся дверью. Пытаюсь вскочить, но спокойный незнакомый голос опережает.

– Я бы не стал торопиться, скоро все закончится.

Поворачиваюсь на голос, и рассеянный сквозь щелястую дверь свет позволяет разглядеть сидящего рядом человека.

Седой, в рваной длинной рубахе, с аскетически изможденным лицом. Вопрос импульсивно срывается с моих губ:

– Ты кто?

Сначала незнакомец награждает меня равнодушно-оценивающим взглядом, а затем все-таки звучит ответ.

– Никто. Бродяга без рода и племени.

– А имя то у тебя есть, бродяга? – Мне в общем-то все равно, но этот мужик вроде как спас меня, втащив в этот сарай, и я стараюсь быть вежливым.

– Калида, кличут. – Мужик произнес это так, что любому было бы понятно – продолжать разговор он не намерен, но я еще весь на адреналине и мне просто необходимо поговорить.

– Это что сейчас было? Можешь мне объяснить. Бунт против князя?

В брошенном на меня взгляде появляется удивление.

– С чего ты взял?

– Так ведь княжих людей горожане бьют, – я в свою очередь выражаю непонимание, – те терпеть не будут, сейчас подтянется вся дружина, и начнется побоище.

Бродяга лишь криво усмехнулся.

– Чушь, какая! Народ горячий. Ну, помахали кулаками, так что ж теперь воевать что ли?! Сейчас тиун подойдет и всех живо успокоит. Виру виновным, князю и пострадавшим их доли – все довольны. Мир и покой.

– Подожди, – пытаюсь разобраться, – я же сам слышал.

Кричали против князя, против суздальцев и новгородцев.

– И что? – мужик посмотрел на меня как на дитя неразумное. – До Ярослава был Михаил черниговский, так орали против Чернигова, а до тех смоленский князь сидел, так его любили еще меньше.

Он вдруг криво усмехнулся.

– Киев город богатый, может позволить себе не любить своих князей.

Заложенный в его иронии смысл я уловил, мол Киев город вольный, а князь это всего лишь военная крыша и должен знать свое место. Вроде логично, но снисходительность этого бродяги бесит, и мне хочется поспорить.

– Так ведь киевляне сами же Ярослава позвали? Не Михаила Черниговского, не Святослава Смоленского, а Ярослава, так чего же недовольны?

Калида повернулся в мою сторону, и в его глазах впервые вспыхнул интерес.

– Так ведь вольные люди всегда чем-нибудь недовольны. Это скотине в хлеву лишнего не надо, покормили и ладно, а люди как сухостой, только огонь поднеси, мигом вспыхнут. Тем более, что не все за Ярослава стояли, у Михаила в городе поддержка большая, да и у Святослава тоже немалая. К тому же, и сам Ярослав Всеволодович не подарок. Крут больно, да и берет не по праву. Устали уже от него в городе.

– Ты вроде бы бродяга, – прищурившись, высказываю возникшие у меня подозрения, – а разбираешься в делах киев-

ских словно местный.

Этого доморощенного философа мои сомнения ничуть не смутили, а лишь вновь вызвали кривую усмешку.

– Что Киев, что Владимир, что Новгород, везде одно и то же, никакой разницы. Городская господа делит власть с князьями и поделить не может.

– А народ что же? Он на чьей стороне?

– А ты не видел? – В глазах бродяги блеснула ироничная искра. – Вон он за дверью во всей красе. Сегодня на одной стороне, завтра на другой. Народ что – шелуха, кто сильнее подует, в ту сторону и покатится.

Я тоже позволяю себе усмехнуться.

– Ты вроде и сам не господа, чего же так неуважительно про народ то?

Словно потеряв к беседе интерес, бродяга вдруг отвернулся, лишь добавив напоследок.

– Живу слишком долго, подрастерял уважение.

В наступившей после этого тишине, стал отчетливо слышен затихающий шум драки и трубный голос глашатая.

– Угомонись, народ честной. Кто обижен или пострадал, подходи, жалуйся. Еремей Тимофеич – тиун княжий рассудит по чести.

– Вот теперь можно и идти. – Шустро поднявшись, странник двинулся к двери.

Дневной свет хлынул в открывшийся проем, и я вдруг с удивлением заметил сидящего в дальнем углу половца.

– Во как, – не могу сдержать восклицания, – Куранбаса, ты то как здесь? Цел?

Тот лишь пожимает плечами, но я и по внешнему виду вижу, что ничего плохого с моим знакомым не случилось.

«Ловок, – беззлобно усмехаюсь про себя, – пока я там кулаками махал, наш степной дружок слинял сразу же, как только запахло жареным. Да он в местных условиях разбирается не хуже того бродяги».

Выходим наружу, и я сразу же направляюсь обратно в гору. – «Хватит на сегодня приключений». Половец сворачивает за мной вслед, и я слышу, как он печально вздыхает по некупленным сережкам.

Глава 4

Распахнутые двери встречают нас мгновенно затихшим гулом и любопытными взглядами. Я в своем отстиранном и отглаженном халате следую сразу за Турсланом Хаши и хорезмийцем, а впереди, с порога приемного зала, уже звучит зычный голос.

– Посольство хана Бату сына Джучи к князю киевскому Ярославу Всеволодовичу.

Бояре Ярослава и почтенные люди города Киева, стоя по разные стороны центрального прохода, не стесняясь пялятся на монгольского посла и его свиту. Мои деревянные сабо стучат о доски пола, взгляд цепляется за хмурые настороженные лица. От них веет напряжением и ожиданием беды.

«Да уж, – вздыхаю про себя, – такая атмосфера настроение не поднимает. И вообще, все странно. Почему про меня никто не вспоминает. Вроде бы ясно дал понять, я сам по себе, а посольство хана само по себе, но люди Ярослава упорно приписывают меня к монголам».

От редких окошек, затянутых мутноватым стеклом, толку немного, и в большой княжеской палате, несмотря на солнечный день, стоит полумрак. Всматриваюсь поверх голов вперед – что там? В дальнем конце, несколько широких ступеней ведут к возвышению, на котором стоит обитое алым

бархатом кресло с высокой резной спинкой. Расположившийся в нем киевский князь Ярослав выглядит усталым пожилым человеком, хотя по моим подсчетам ему должно быть лет сорок шесть-сорок семь.

«Впрочем, – соглашаюсь с очевидным, – борода никому еще молодости не добавляла, а седеющая борода тем более».

Останавливаемся в пяти шагах от помоста и ждем, пока слуги сложат дары у подножия княжеского трона. Затем Фарс аль Хорезми, развернув длинный свиток, начитает читать послание хана к князю киевскому. Я не очень внимательно слушаю вступительную часть с хвалебными перечислениями титулов и заслуг, но стоило чтецу перейти к сути, как я наостряю уши и слышу.

– Земля ваша страдает от вражды княжеской и отсутствия порядка. Каждый из князей тянет в свою сторону, не слушая и не исполняя волю старшего. Нет у вас воли, перед которой склонятся все князья и города земли русской, нет силы устрашить которой любой своенравный вельможа или непокорное вече. Это вредит земле вашей и роду вашему. Потому Бату хан предлагает тебе, Ярослав Всеволодович князь Киевский, возглавить все русские княжества и войти в состав Великой монгольской империи единым Русским улусом. Будешь ты, князь, самым сильным и самым главным среди князей, и каждый из них преклонит перед тобой колени, ибо за тобой будет стоять вся мощь Великого хана. Преклони колени и прими волю Великого хана и будет земле

твоей и роду твоему от этого только польза великая...

Хорезмиец продолжает читать, а я чуть не вскрикиваю от возмущения:

«Ах вы, паразиты! Не стесняясь, в открытую предлагаете Ярославу восстать против брата и признать главенство Великого хана, хотите купить его обещанием сделать старшим князем всей земли русской».

Больше всего возмущает, что врут и не краснеют, мол Ярослав будет полноправным хозяином на своих владениях и не будет терпеть от монгол никаких притеснений.

«Так-так, начинаю нервно перебирать варианты. Должен ли я вмешаться и поведать Ярославу как все будет, если он польстится на посулы или не влезать и оставить все как есть? А если все же влезу, и порушу чужую игру, то что мне за это будет? – Мучительно ломаю голову, и тут, где-то в глубине сознания, вдруг слышу до боли знакомый скрипучий голос. Я не слышал его с того самого момента в бане, когда сдуру согласился на эту авантюру. В первый момент, от неожиданности, даже не понимаю толком, о чем он там толкует, но возмущенный скрип проникает прямо в сознание.

«О чем это ты, друг мой, задумался? Если мне не изменяет память, то мы вроде бы договорились. Ты никуда не лезешь, ни во что не вмешиваешься, и тогда, как зритель из кинотеатра, благополучно возвращаешься домой вовремя. В противном случае, ты лишаешься моей защиты и возможности ровно через год попасть в свое время, в то же самое ме-

сто и в тот же самый момент, из которого ты был изъят».

Альтернатива застрять здесь навсегда испугала и мгновенно охладила мой патриотический пыл.

«Все! Все, понял! – Излишней эмоциональностью пытаюсь убедить невидимого старца в своей искренности. – Извиняйте, не подумал».

Голос внутри меня оставил мои оправдания без ответа, посчитав, что предупреждения достаточно. На всякий случай, еще пару мгновений прислушиваюсь к тишине внутри себя и, осознав, что больше выволочек не будет, вновь включаюсь в окружающую реальность.

Фарс аль Хорезми уже закончил читать послание и передал свиток ближнему боярину князя. Узнаю в нем того самого Дмитра Ейковича, что встречал нас на подъезде к городу. Скатав пергамент, тот вновь вернулся на свое место, справа от княжеского кресла, а Ярослав, помолчав немного, поблагодарил хана Бату за дары и громко, чтобы все слышали, заявил, что против старшего в роду он никогда не пойдет и брата ни за что не предаст. Ответил вроде бы однозначно, но как-то слишком уж мягко, без красочных сравнений и обидных слов в адрес хана, а ведь предложение Батыя для честного человека оскорбительно уже само по себе.

Пробежавшись по лицам бояр и киевлян, я увидел, что многие разочарованы. Они ждали от князя как минимум суровой отповеди монголам, а может и казни. Ведь, действительно, предлагать человеку предательство, значит считать,

что тот на такое способен, а это оскорбление, за которое и голову отсечь не грех.

Ярослав, без сомнения, это ожидание почувствовал, но ничего больше не добавил. Моя персона, казалось бы, его совсем не заинтересовала, за все время взгляд князя, может быть, раз задержался на моем лице, но возможности представиться, я так и не получил. Для меня все это довольно странно, но, с другой стороны, может быть и к лучшему – не надо ничего придумывать.

Официальная часть приема тем временем закончилась, и посольство, не утруждая себя излишними поклонами, начало двигаться к выходу. Я иду вместе со всеми и пытаюсь понять, чем собственно этот прием закончился. Вроде бы, Ярослав отказал хану, но я уверен, что у большинства присутствующих, так же как и у меня, сложилось впечатление будто разговор еще не закончен. Особенно когда напоследок князь пообещал дать хану письменный ответ в ближайшее время.

***

Горница, отведенная Турслану Хаши, малюсенькая. Голые бревенчатые стены, лавка вдоль одной стены, сундук вдоль другой, а между ними разве что два человека разойдутся. По меркам двадцать первого века – сарайка для бомжа, но если учесть, что это единственная комната на одного, а все остальные члены посольства живут в общей палате, то получается не так уж и плохо. Почет и уважение на лицо.

После приема хорезмиец затащил меня прямо сюда, не

дав даже во двор по нужде выскочить. Монгол уже здесь, сидит на лавке, поджав под себя ноги и делает вид, будто погружен в себя и нас не замечает. Мы стоим молча у дверей, ждем. Наконец, Турслан Хаши поднял на меня взгляд.

– Что скажешь, латинянин, согласится урус или нет?

Я в некотором замешательстве. Делиться своими подозрениями с монголом, мне не очень хочется, но и врать ему опасно, боюсь раскусит меня на раз. Решаю, что в данном случае надо говорить честно, но без конкретики.

– По тому, что я услышал, ближайшее окружение князя ждет от него решительного отказа.

Узкие прорези на почти круглом лице испытывающе уставились на меня.

– Что еще ты слышал?

Пожимаю плечами.

– Ничего. Никто в открытую своего мнения не выражал. То, о чем я говорил ранее, это скорее мое общее ощущение настроения большинства.

– Ощущения меня не интересуют. – После затяжной паузы, губы монгола, сжатые в жесткую линию, вдруг изогнулись в подобие усмешки, а в глазах блеснула хитрая искра. – Скажи, латинянин, ты зачем пришел в Киев?

Резкая смена темы разговора заставила меня на секунду задуматься, но уже по тону я уловил, что ситуация, скорее всего, не несет опасности для меня.

«Вопрос лишь для затравки, – решаю так, сверив свои

ощущения с выражением лица монгола, – на деле, его совершенно не интересует зачем я здесь. Занятно, чего же он тогда хочет?»

Отвечаю придерживаясь своей версии.

– По поручению папы, я должен обсудить с князем некоторые вопросы веры.

В ответ нойон лишь хмыкнул.

– Так иди, – черные зрачки зыркнули из-под плотных ресниц. – иди, обсуждай. Заодно и узнаешь, что думает князь о предложении Бату-хана.

Взгляд степного воина смотрит мне прямо в глаза, и, несмотря на насмешливый тон, я понимаю, что он это серьезно. Надо прямо сейчас идти и просить Ярослава о встрече. Еще помолчав для приличия, я уже было развернулся к двери, как меня нагнал голос монгола.

– Если в ходе вашего разговора, тебе удастся убедить урус-са принять правильное решение, то ты можешь быть уверен, хан умеет быть благодарным.

Прикрыв дверь и распрощавшись с хорезмийцем, иду по узкому коридору к лестнице, размышляя на ходу:

«Видать, исход переговоров очень важен для посла, раз он готов просить о содействии первого встречного. А мне, мне-то что делать? Убеждать за предательство, я, конечно, не буду. Вопрос в другом. Соваться вообще в это дело или нет? С одной стороны, как русский человек, я обязан предупредить князя о том, чем все закончится, а с другой, торчать здесь до

старости нет ни малейшего желания».

Задумавшись, чуть не сталкиваюсь с внезапно вывалившимся из-за угла боярином. Он смотрит на меня снизу-вверх и недовольно бурчит.

– Аккуратнее, святой отец, а то зашибу ненароком.

И смех, и грех, право! Я здесь выше всех минимум на полголовы, и злобно зыкающий на меня бородастый гном вызывает у меня ассоциацию лишь с фэнтези Толкиена. В другое время, я бы непременно рассмеялся, но сейчас мне точно не до смеха.

Отступаю в сторону и извиняюсь.

– Прости, боярин. Заплутал.

Княжий воевода, видимо с правилами вежливости не знаком, потому что не только не извиняется, но даже пропустить меня не собирается. На его заросшем лице появляется подозрительное выражение.

– Заплутал, говоришь. Уж больно у тебя все случайности вовремя, латинянин. На ханского посла ненароком напоролся, а сейчас вот, стоило князю послать за тобой и вот на тебе. Ты уже здесь и искать не надо.

На месте боярина, мне может тоже собственная личность показалась бы подозрительной, но сейчас, чувствую, такие разговоры надо пресекать на корню.

– Вы что, боярин, меня в чем-то подозреваете? В чем, говорите прямо!

От моего напора тот смутился.

– Да нет, – отступив к стене, он освободил проход, – князь тебя видеть желает. Следуй за мной, провожу.

Развернувшись, воевода двинулся по коридору, не минуты не сомневаясь, что я иду следом. Поднимаемся на второй этаж, проходим по открытой арочной галерее и, наконец, боярин, поглядев по сторонам, открывает передо мной дверь.

«Они что, шифруются?» – С этой мыслью захожу в просторную горницу, и слышу, как тут же, за моей спиной хлопает дверное полотно. Стоящий спиной ко мне князь, разворачивается и резко подходит вплотную.

– Почему христианский священник заодно с язычниками? – Его взгляд вцепляется мне в лицо, требуя честного ответа.

В этом плане мне скрывать нечего.

– Нет никакого сговора, – выдерживаю его взгляд не отводя глаз, – это чистая случайность, как я уже и говорил.

Не найдя подтверждения своим подозрениям, Ярослав снижает нажим.

– Тогда, зачем ты здесь? Чего хочет от меня папа римский?

На этот счет у меня уже готова легенда. Говорю много общих слов об объединении церкви и совместной борьбе с язычеством. Много воды и никакой конкретики.

Князь с боярином слушают мою болтовню, но видно, что заботит их совершенно другое. Терпеливо дождавшись окончания моей речи, и покивав, мол да-да-да все это может

быть, но совершенно неинтересно и неважно, Ярослав задаст вопрос о том, что его действительно волнует.

– Ты хоть и христианин, но у монголов вроде как свой. Что можешь о них сказать, доверять им можно?

Как ни ждал я чего-то подобного, как ни готовился, а все равно вопрос застал меня врасплох. Задача! Какую позицию мне занять, так мною и не решена, поэтому, в первую очередь, мысленно убеждаю невидимого и всемогущего старца:

«Меня спрашивают, я не могу не ответить. Это мое личное мнение, а никакое ни вмешательство. Просто говорю, что думаю и все».

Видимо рожа у меня в этот момент довольно стремная, потому что князь с недоумением переспрашивает.

– Что с тобой, латинянин? Занедужил что ли?

Беру себя в руки и отвечаю четко и уверенно.

– Доверять словам монгольского хана я вам не советую.

Обманут.

Теперь настал черед князя слегка онеметь. К такому ответу ни он, ни его воевода не были готовы. Дмитро Ейкович даже пораженно крикнул.

– Чем же монголы тебе насолили, что ты их так кроешь.

Отрицательно качаю головой.

– Ничем. Вы спросили – я честно ответил, зачем мне врать.

Не сводя с меня внимательного взгляда, Ярослав огладил свою стриженную бороду.

– А в чем, по-твоему, обманут. Я не стану Великим князем Владимирским?

Еще не оценив подвоха, говорю, не задумываясь.

– Станешь.

В глазах князя промелькнуло удовлетворение.

– Тогда не пойму, в чем обман?

Вот теперь пришлось призадуматься мне:

«А, действительно, в чем? Что Батый ему обещал: Владимирский стол, общие для всей империи Чингиз-хана права и обязанности. А взамен что? Полное подчинение монгольскому хану, дань и участие в войнах империи. Странно, что Ярослав этого не понимает».

Князь и боярин по-прежнему смотрят на меня в ожидании ответа, и я пытаюсь расставить точки на и.

– Вы не будете самостоятельны, за правом на стол все князья будут ездить в Орду и вымаливать у хана свою вотчину на коленах. Тех, кто не захочет, казнят, а города, что не примут власть татарскую, подвергнутся разграблению. Несколько столетий Русь будет страдать под гнетом ордынских ханов.

Моя речь произвела впечатление, но не совсем то, на которое я рассчитывал. Ярослав наморщил лоб, словно силясь понять сказанное.

– Подожди, латинянин, ты кого Русью назвал?

Делаю непонимающее лицо.

– Как кого! – Обвожу рукой вокруг. – Всех! Киевлян, вла-

димирцев, рязанцев, да всех людей русских.

На лице князя появляется подобие усмешки.

– Вы там в Риме своем совсем в делах наших ничего не смыслите. – Он повернулся к боярину. – Ты слышал, Дмитро Ейкович?! Киевляне, рязанцы...

Они лыбятся, друг на друга, а я никак не могу понять в чем закавыка, пока Ярослав не объясняет.

– Я – это Русь! Братья мои – Русь! Все князья, что от Рюрика пошли, да бояре родовитые – тоже Русь, а киевляне, владимирцы, это шелупонь местная. Кто их разберет – кто они. Поляне, древляне, вятичи, а может и угры, и меря. Ты что, меня с ними равняешь? – В голосе князя послышалась неприкрытая угроза.

Вот теперь я в полном замешательстве и в голове настоящий кавардак.

«Это как же понимать? Князь киевский себя с городом Киевом никак не связывает. Его послушать, так он даже с каким-то презрением говорит о горожанах».

– Я тебе так скажу, латинянин. – Ярослав направил на меня указательный палец. – У городов и так сейчас столько воли развелось, что сладу с ними не стало. Если татарва их пощиплет как следует, то я совсем не против, может поумнеют, и к княжеской власти у них почтения прибавится. Поймут, наконец, за кем сила, и кто их защитить сможет. А то, чуть что, сразу вой поднимают. Не по старине судишь, не по праву берешь, а как до дела дойдет, так сразу в сторону – это

дела княжеские, нас не касаются.

После этого монолога, мне уже начинает казаться, что я вообще ничего не понимаю. Осторожненько так, пытаюсь прояснить картину.

– Вы что же, князь, готовы отдать верховную власть монгольскому хану и преклонить перед ним колени?

Тот, зыркнув на меня исподлобья, рубит словно в сердцах.

– Какая разница! Перед братом шею гнуть лучше, что ли?! Одно название – старший, а куда ни глянь, каждый князь творит, что захочет. Будет у меня опора на монгол, я на всей земле русской быстро железный порядок наведу.

– Они же вас данью позорной обложат! – Хватаюсь я за последнюю соломинку и слышу из-за спины расчетливые слова боярина.

– Десятина – это по-божески. За порядок, так и не жалко.

Чувствую, эти двое уже все решили, но я не хочу в это верить и упираюсь с упрямством обреченного.

– Неужто, князь, против родного брата пойдешь. Вместе с иноверцами степными землю русскую зорить. Не по-божески это, нехорошо.

Лицо Ярослава скривилось от злости.

– Ты поучи меня еще, латинянин, живо в поруби окажешься. – Его кулаки сжались от ярости. – Как меня лишать жены и вотчины отцовской, так это по-братски. Сослать сюда, на окраину, чтобы не мешался, это по-братски. Когда на Липице стояли, то может и были братьями, а опосля... Юрий

меня предал. Он с Константином договорился, и они оба на меня всех собак повесили, в смуте и во всех грехах обвинили. Не брат он мне более!

В наступившей тишине, почти физически чувствуется надвигающаяся угроза. Я не знаю, что еще сказать и как повлиять на ситуацию. Ощущаю себя маленьким, ничтожным винтиком не способным остановить жернова истории, и в этот момент в глубине моего сознания вновь всплывает скрипучий старческий голос.

Так уж и быть, я не буду рассматривать то, что здесь произошло, как нарушение договора и твою попытку вмешаться в естественный ход истории. И то, только потому что меня до колки веселит твоя вытянутая грустная морда. Пусть это послужит тебе уроком, но учти, второго раза не будет, больше я прощать тебя не намерен.

Глава 5

«Аудиенция прошла, мягко говоря, с нулевым результатом во всех смыслах». – Зависаю на этой мысли, когда меня буквально выставляют из княжих покоев.

Прикрыв дверь, боярин бросает взгляд в мою сторону.

– Ты иди к себе, латинянин, когда князь гневен, может и зашибить ненароком.

Не заставляя просить себя дважды, быстро уношу ноги, повторяя про себя:

«Юпитер, ты злишься, значит ты неправ».

Так я себя успокаиваю. Раз мои слова задели Ярослава за живое, то может быть, он еще одумается и выступит вместе с братом против монгол.

В коридорах стало уже темновато, и я с трудом нахожу общую посольскую палату. Открываю дверь и застываю на входе. «Ну и вонища!» Почти три десятка давно немытых мужских тел, пропотевшая одежда и еще бог знает что. Духан просто сбивает с ног. А что делать?! Несколько секунд стою в проеме, пытаюсь свыкнуться с «божественным ароматом» и делаю первый шаг. Стараясь не наступить на лежащие тела, протискиваюсь к своей лавке и укладываюсь. В голове роятся нерадостные мысли.

«Что дальше будет со мной? С посольством мои дела за-

кончились, из города того и гляди попрут. Куда идти то? Вспомнив свою придуманную легенду, усмехаюсь: В Рим возвращайся – домой».

Как заснул не помню, но разбудила меня активная движуха. Спускаю ноги с лавки и утыкаюсь взглядом в своего знакомого половца. Зевнув во весь рот, спрашиваю:

– Чего случилось то? Что за переполох?

Тот бурчит, деловито набивая своим скарбом седельные сумы и мешки.

– Уезжаем. Нойон Турслан Хаши вместе с князем едут в Чернигов.

Я аж оторопел, всю сонливость как рукой сняло.

– Зачем?

В ответ получаю лишь снисходительный взгляд, мол что за вопросы? Откуда мне знать? Воин не спрашивает – зачем, он лишь выполняет приказы.

Понимаю, что спрашивать кого-либо бесполезно. Встаю и, оправив халат, выхожу во двор. Там не меньшая суета. Ржаные лошадей, беготня.

«А, плевать, – мысленно машу на все это рукой и направляюсь к колодцу, – умоюсь, напьюсь, а там видно будет»

Выливаю себе на голову ведро воды и утираюсь полой халата – больше нечем. Сознание сразу прояснилось и добавилось бодрости. Разгибаюсь и чуть не вздрагиваю. Прямо надо мной навис Турслан Хаши. Он в седле, одет по-походному, то есть в овчинную шубу на голое тело. Тонкие усики над

верхней губой задираются в оскалоподобной улыбке.

– Не знаю, как тебе это удалось, но мое слово крепкое. Мы, монголы, услуги не забываем.

Силюсь понять, о чем это он, а степной князь, не замечая моей растерянности, подзывающе взмахивает рукой. Один из его воинов тут же подводит мне степного конька с добротным кожаным седлом, стремянами и украшенной медными заклепками уздечкой.

– Этот конь теперь твой. – Нойон довольно улыбается, ожидая благодарности, и я по обычаю кланяюсь, мол спасибо, всю жизнь мечтал о таком подарке.

Турслан удовлетворенно кивает и добавляет:

– Знаю, ты слуга божий и за скотиной ходить не привык, поэтому на время похода можешь взять себе двух человек в услужение. – Он вновь ухмыльнулся. – за мой кошт разумеется, а также, я дам к ним двух заводных лошадей и прочие мелочи, что могут понадобиться в пути. Поход предстоит не близкий.

В моей голове куча вопросов. За что подарки?! Какой, к черту, поход?! Что мне со всем этим делать? Очень хочется спросить, но я молчу, боясь проколоться. К счастью, тут появился хорезмиец, и его слова начали кое-что прояснять. Прижав ладони к груди, Фарс аль Хорезми почтительно склоняет голову.

– Я слышал, что влияние христианских священников на светскую власть в полуденных странах велико, но все равно

впечатлен. Всего лишь одна беседа и князь Ярослав безоговорочно принял верное решение.

Он замолчал, а мне теперь многое становится понятным. Видать, за ночь князь так и не утомился, а разошелся еще круче. Мечта о Великокняжеском Владимирском столе совсем затмила глаза, и он теперь готов не только принять власть монгольского хана, но и пойти против брата.

Добившись некоторого понимания ситуации, тут же опять захожу в тупик.

«Так, а Чернигов тут причем? – Спрашиваю себя. – А я? Я-то каким боком?»

Словно подслушав мои мысли, хорезмиец склоняется к моему уху.

– Твоя идея о необходимости склонить Михаила Черниговского на нашу сторону пришла Турслану Хаши по вкусу. Сейчас спешно едем в Чернигов, и если князья договорятся, то оба отправят совместное посольство к хану Бату для подготовки похода.

План понятный и от этого еще более жуткий. Как мне реагировать, я еще не решил, поэтому старательно изображаю понимание и согласие. Поднимаю взгляд на нойона и получаю ответ на последний вопрос.

– Ты поедешь с нами, – в глазах монгола блеснула хитрая искра, – Бату-хан не простит мне, если я оставлю в стороне человека с такими талантами.

«Черт знает что!» – Хочется заорать – «Вы что, с ума все

посходили?! Никого я не уговаривал, никаких идей не высказывал! Откуда вы все это взяли?! Не хватало еще мне войти в историю как подлый папский нунций, соблаздивший правоверного князя на измену».

Совладав с эмоциями, аккуратноенько выясняю у хорезмийца, как они догадались о моей роли в этом деле. Оказалось, уже с рассвета началась дипломатическая возня на уровне ближних людей. Ярослав, действительно, всю ночь не спал и, к утру решившись, развил бешеную активность. Посол был поднят и имел конфиденциальную беседу с князем, где тот и изложил ему свой план привлечь черниговского князя, поскольку одному ему с Юрием не совладать. Таковую внезапную перемену Турслан Хаши смог связать только с моим влиянием на князя, ибо никаких других предпосылок для подобного поведения у него не находилось.

«И что теперь делать? – Ломаю голову, слушая путаный рассказ аль Хорезми – Разубеждать их глупо, пусть думают как есть. Я ведь отправлен сюда всего лишь посмотреть, как все было на самом деле, а значит и без меня, Ярослав принял бы точно такое же решение. Тем более, что мой «куратор» не бесится, не грозит и ни в чем меня не упрекает. Значит, все идет по накатанным историческим рельсам, и моей вины в случившемся нет, а раз так, то предложение посла для меня наилучший вариант. И пусть это предложение больше похоже на приказ, альтернативы у меня все равно нет. В одиночку мне тут не выжить, а так, конь, слуги, и стопроцентная за-

щита. Просто, полный набор джентльмена для комфортного путешествия».

Вспомнив о подаренной лошади, собираюсь уже принять поводья, как вдруг, опережая меня, выскакивает Куранбаса и, взяв коня под уздцы, склоняется в почтительном поклоне.

– Не волнуйтесь, святой отец. Я займусь лошадыю.

Киваю в знак согласия, отмечая про себя, что один помощник у меня уже появился, даже не спросив моего согласия.

***

Впереди степь, позади степь, повсюду бескрайняя, прожженная солнцем степь. Растянувшееся посольство медленно движется на восток. Я качаюсь в седле в самой середине монгольского отряда. Так мы выехали из Киева, и так продолжается до сих пор, хотя давно уже остался позади Чернигов, и со дня на день можно будет увидеть верховья Дона. Вокруг меня молча едут монгольские воины, и мне до сих пор неясно, что это – почетный караул или строгая охрана. Вроде бы бежать мне некуда, да и незачем, но я постоянно чувствую на себе оценивающе-подозрительный взгляд Турслана Хаши, мол, я все вижу и, чтобы ты не задумал, я всегда буду на шаг впереди.

Этот степняк, наверное, вообще по жизни подозрительный и никому не доверяет, потому что другой причины с таким упорством следить за мной я не вижу. Ведь у него все складывается как нельзя лучше. В Чернигове князя дого-

ворились на удивление легко. Ярослав попросту предложил Михаилу разделить всю землю пополам. Весь северо-восток, включая Владимир, Суздаль, Ростов, Новгород и Псков, отходят к нему, а Киев, Чернигов, Переяславль и Галич к Михаилу. В другое время, на подобное предложение, тот попросту бы рассмеялся в лицо и сказал – это невозможно, но в этот раз за спиной Ярослава маячила тень грозной монгольской империи, а память о ее силе у черниговцев сохранилась еще со времен битвы на Калке. Все что тогда думал Михаил Черниговский ясно читалось в его глазах:

«Сегодня, я князь черниговский, а завтра? Завтра что? Любезные родственнички только и ждут случая отобрать стол. На горожан надежи нет, им вообще без разницы кто у них князь, а монгольский хан – это сила. Весь юго-запад подо мной будет, и никто пикнуть не посмеет. А если откажусь, то что? Да ничего, предложат кому-нибудь другому, Даниилу Галицкому или Святославу Смоленскому, например. Где гарантии, что они не согласятся».

Монголы стелили мягко, отказываться было даже как-то глупо. Мол, признание верховной власти Великого хана, это скорее привилегия, чем кабала. Князья будут полными хозяевами на своей земле, и хан ни во что вмешиваться не будет, лишь бы в срок платили десятину, а вот зато в случае военной угрозы, непобедимая монгольская армия всегда сможет защитить свои верные улусы. В общем, принципиального согласия достигли довольно быстро, а потом больше пре-

пирались по мелочам. Посол этот договор скрепил словом и клятвенно обещал помощь хана Бату в его претворении в жизнь. Оставалось только поехать и присягнуть хану на верность. Сами князья ехать опасались, и Турслан Хаши не настаивал, согласившись на ближайших представителях рода. Вот поэтому старшие сыновья обоих князей и едут сейчас на восток, навстречу идущей из побежденной Булгарии орде.

Себя мне упрекнуть не в чем, я в этом сговоре практически не участвовал.

«Да, – мысленно убеждал я самого себя, – переговоры переводил, на вопросы Турслана Хаши отвечал, помощь ему оказывал, но никаких угрызений совести по этому поводу не испытываю, как не чувствую и малейшей симпатии к князьям, решившимся на предательство ради власти».

Беспокойные мысли заставляют непроизвольно обернуться назад, следом за мной едут Куранбаса и Калида. Эти два типа с дурацкими именами вызывают у меня противоречивые чувства. С одной стороны, опытные мужики, дело свое знают. С такими не пропадешь. А с другой, кто они вообще такие? Я их не звал, не выбирал. Что половец, что этот странный старик, оба как-то сами прибились. С последним так вообще все чудно получилось.

Вдруг вспомнилось, как это было: Княжий двор. День отъезда из Киева. Я стою и смотрю как Куранбаса торочит к седлам лошадей скарб, выделенный мне от щедрот нойона. Все пространство вокруг заполнено шумом и людской круговер-

тью. Княжеские дружинники, слуги, монголы вперемешку с русскими. Все суетятся, крик, беготня, и тут вдруг слышу, знакомый голос.

– Половцам доверять нельзя, вороваты и ненадежны.

Оборачиваюсь и вижу своего недавнего знакомого, вытащившего меня из драки. Не нахожу ничего лучшего как задать дурацкий вопрос.

– Ты как здесь?

Странник, словно не слыша меня, продолжает.

– Падки на чужое, еще прирежет тебя во сне. Догляд нужен. – Помолчав и будто решив что-то для себя, добавил. – Пожалуй, с тобой пойду. Пригожусь.

Помню совершенно отчетливо, что подумал тогда:

«Вот и второй попутчик нарисовался».

Оглядел я его, вижу, мужичок не простой. Худой, но жилистый и быстрый как мангуст. Думаю, а почему и нет, раз сам просится. Говорю:

«Раз решил, я не против, но скажу сразу – денег у меня нет, за работу смогу оплатить только едой, что монголы мне выделяют».

Мужик крякнул что-то типа, годится, и, бросив мне под ноги свою котомку, пошел помогать Курамбасе. С тех пор они у меня и охрана, и слуги и основные собеседники. Турслан Хаши, как обещал, выделил мне припасов на трех человек и пять лошадей. Про Калиду же слова не сказал, мол, твое дело, каких слуг себе нанимать. Он, вообще, выглядит

довольным, но как я уже говорил, это не мешает ему контролировать чуть ли не каждое мое движение.

Кобыла останавливается, выводя меня из задумчивости. Смотрю, караван встал на вершине холма, и все с интересом рассматривают что-то там, далеко внизу. Опускаю взгляд и вижу настоящую погоню. Вслед за пятеркой всадников несется человек двадцать. Отсюда сверху не разобрать толком, но мне кажется, что и беглецы, и погоня из одного теста и больше всего похожи на кочевников.

«Степные разборки, – щурясь на солнце, пытаюсь разглядеть детали, – интересно, кто за кем гоняется?»

Бросаю взгляд на Турслана. Тот явно вмешиваться не собирается, а там внизу ситуация меняется. В отличие от беглецов, нам отсюда отлично видно, как из-за соседнего распада появляется еще десяток и идет тем наперерез. Развязка стремительно приближается, а наш нойон не проявляет не малейшего желания вмешиваться.

Беглецы, разглядев, наконец, западню, сначала притормозили, но, видимо решив прорываться, тут же, прищпорив коней, вновь бросились вперед.

Разглядывая перипетии погони, не сразу замечаю появившихся рядом всадников, и, только услышав возглас: «Смотри какие отчаянные!» поднимаю взгляд. Справа от меня киевский княжич, в кольчуге и кованном шлеме, показывает вниз на идущих в смертельную атаку воинов.

– Предпочитают погибнуть, но не сдаются. – Он вдруг вы-

таскивает меч и, пришпорив коня, бросает стоящим за ним воинам. – Поможем храбрецам!

Не ожидавший подобного, десяток дружинников запоздало срывается вслед за своим юным предводителем, а я, заметив мрачную мину Турслана Хаши, иронизирую про себя:

«Что, не по нраву тебе самостоятельность юного Александра?!»

Все произошло так быстро, что даже телохранители будущего героя невольской битвы не сразу среагировали и прилично отстали от своего подопечного, не говоря уже об остальной свите старшего Ярославича. Всадники летели вниз по склону, а Турслан Хаши, мрачно смотревший на все это безобразие, лишь осуждающе покачал головой, мол, что за бардак у этих руссов. Его воины, готовые рвануться с места, ждали лишь приказа, но тот, словно степной орел с высоты, безмолвно прошивал взглядом вершины холмов и распадки. Я не сразу понял, чего он медлит, но через пару секунд догадался, он ждет, не появятся ли еще какие-нибудь скрытые сюрпризы.

В ложбине уже завязалась схватка. Окруженные со всех сторон, беглецы схватились со своей погоней, и почти тут же в эту свалку врубился Александр. Завертелась смертельная круговерть клинков. Выставив заслон против надвигающегося десятка дружинников, преследователи всеми силами пытались закончить дело. Даже отсюда, сверху, было отлично видно, что больше всего они стараются достать одного из

беглецов. Александр рубился как раз рядом с ним, не давая убийцам отсечь его от остальных и принимая на себя сыпящиеся ото всюду удары.

Судьба посольства повисла на волоске. На обычно бесстрастном лице Турслана сейчас явственно читался вопрос – если княжич погибнет, то кто будет присягать хану? Он нервно махнул рукой, посылая своих воинов в атаку, и вновь принялся пристально следить за схваткой. Из всех присутствующих, пожалуй, я единственный, кто смотрел совершенно спокойно на мелькающие над головой Ярославича клинки, поскольку точно знал – этому парню суждено умереть не здесь и не сегодня.

Нападавшие, несмотря на неожиданное вмешательство посторонней силы, до последнего не отказывались от своего плана и, не считаясь с потерями, пытались прикончить свою жертву. Только когда по склону покатила волна монгольских всадников, они оставили свои попытки и нахлестывая коней, понеслись прочь.

Дело было сделано. Турслан Хаши вместе с хорезмийцем двинулись вниз, и я, решив, что занятно будет узнать из-за кого весь сыр-бор, тронул кобылу вслед за ними. Мы еще не доехали до конца, а поведение грозного нойона вдруг изменилось. Неожиданно, он, весь подобрившись, прищпорил коня и помчался галопом вниз.

Я не стал спрашивать аль Хорезми, что случилось. По его лицу и так можно было догадаться, что тот сам плохо по-

нимает что происходит. Подъехав ближе, вижу как посол, спрыгнув с коня, почтительно склонил голову у стремени со всем юного всадника в дорогом пластинчатом доспехе. Голос гордого степного князя прозвучал непривычно подобострастно.

– Я счастлив видеть тебя, наян Сартак, в добром здравии. Да пусть, Небеса хранят тебя для великих свершений.

В ответ, юноша, спрыгнув с коня, указал на стоящего в ряду дружинников Александра.

– Вот его надо благодарить за мою жизнь, а не небеса! Если бы не его меч, то лежать бы мне в траве порубленному кыпчакской саблей. – Он остановился и, повернувшись к Ярославичу, воскликнул. – Кто ты? Кому я обязан жизнью?

Пока Александр представлялся, успеваю подумать:

«О как! Кто же это посмел напасть на старшего сына самого Бату хана?»

Видимо этот же вопрос заботит и Турслана Хаши. Едва дождавшись окончания пламенной речи Сартака, он спрашивает у пожилого воина из оставшейся охраны наследника.

– Как такое могло случиться? Кто это был?

Тот виновато клонит голову и бубнит малоразборчиво.

– Гнали косуль. Наян слишком горяч. Пошли на перехват, но заплутали. Оторвались от основной охоты, а тут эти... Те, что висели на хвосте – точно кыпчаки, а вот кто в засаде ждал, не скажу. Те больше на наших похожи, а...

Сартак вдруг прервал своего телохранителя и, презри-

тельно сплюнув, улыбнулся.

– Черт с ними, разберемся позже! – Он вновь повернулся к Александру и протянул руку. – Ты отважный человек и превосходный воин! Я почел бы за честь назвать тебя своим другом и братом!

Глава 6

Ругаясь и проклиная всех подряд, выползаю из юрты. Мочевой пузырь полный и страшно хочется помочиться, но, несмотря на темноту и отсутствие свидетелей, просто отойти в сторонку и сделать все по-быстрому, чревато последствиями. По монгольским законам такой проступок наказывается очень сурово. Так что, надо совать ноги в выданные мне монгольские сапоги гуталы, накидывать овчинную шубу и топтать за черту лагеря в специально отведенное место.

Еще не рассвело, но темнота уже начала отступать. В лунном свете сверкающий белизной иней делает ночную мглу сероватой и прозрачной. Из рта вырывается облачко пара. Ночью подморозило, что совершенно неудивительно – начало ноября. Уже почти два месяца как я торчу здесь, в орде хана Кулькана. Торчу с того самого дня, как в Большой ханской юрте старшие сыновья князей Ярослава Киевского и Михаила Черниговского от имени своих отцов присягнули на верность Великому монгольскому хану Угедю и наследнику улуса Джучи – хану Бату.

Замерзшая трава хрустит под мягкой подошвой сапог, кутаюсь в овчину, а в голове всплывают четкие картины прошлого, словно это было вчера.

Большая юрта наполнена полумраком, по кругу сидят

мрачные, похожие на изваяния, чингизиды. Посольство русских князей в середине. Все сделали как научил аль Хорезми. Вошли, опустились на колени, поклонились хану и уселись на ковре, скрестив ноги. В дальнем от входа конце в шелковом китайском халате застыл в высокомерной позе глава западного похода Бату хан. На вид из всех присутствующих монгол он выглядит моложе всех. Гладкое безусое лицо, узкие прорезы темных глаз, на чуть желтоватой коже ни единой морщинки. Вспоминаю – ему сейчас лет двадцать семь, двадцать восемь, не больше.

Обвожу взглядом каменные лица ханов и вдруг понимаю, почему курултай выбрал именно Батыя главой этого похода. Угедей не идиот, чтобы доверить стотысячное войско одному из сыновей Чингиза – уж больно большой для того соблазн. А Батый что, он слишком молод, к тому же всего лишь внук Чингиз хана, таких вон с пару десятков наберется, а значит, даже если ему придет в голову мысль отколоться от империи, то остальные чингизиды его точно не поддержат. Собственные амбиции переселят.

Пока в голове крутились эти мысли, Турслан Хаши сделал почтенному собранию пространный доклад о своей миссии и о достигнутых договоренностях. Я перевел его речь молодым русским князьям, а затем они поочередно присягнули на верность Великому хану Угедею. Бату принял эту клятву верности с неподвижной, бесстрастной маской на лице. Это была официальная церемония, здесь главное форма – о ре-

альных вещах уже договорились заранее.

Когда «представление» закончилось, Бату выдал свое решение.

Вся орда продолжает движение на юг, на зимовку и отдых после тяжелой Булгарской кампании. Там в степях северного Кавказа начнется подготовка для дальнейшего похода на запад.

Завершая свою речь, Батый торжественно объявил:

– Будущей весной мы вернемся в верховья Дона и вместе с русскими союзными князьями присоединим северные земли к улусу Джучи.

По тому, как соглашающе закивали головы чингизидов, стало понятно, что это уже не раз оговоренное и выверенное совместное решение. Облегченно выдохнув, я было подумал, что на этом все – точка, можно расходиться, но тут неожиданно попросил слова киевский княжич. Большинство присутствующих покосилось на него неодобрительно, мол, не по чину, да и вообще, он здесь не для того, чтобы рот открывать, но Батый знаком разрешил – говори.

У монгол говорящему вставать не требуется, излагаешь сидя как сидел, и к такому тоже еще привыкнуть надо. Я, например, пробовал. Отвратительно выходит, дыхание сбивается, тембр голоса не тот, и вообще, связность речи постоянно сбивается, но Александр ничего, справился. Голос его звучал уверенно, и я начал переводить.

– Нет, – говорю вслед за ним, – до весны ждать не надо.

Будет намного лучше, если проведем поход этой зимой.

В Большой юрте после этих слов наступила такая тишина, словно все дышать перестали. Княжич не согласен с решением хана! Не то, чтобы это бог весть какой проступок, совет для того и собирают, чтобы все мнения выслушать, вот только, видать, мнение руссов никого не интересовало.

В этой тишине к уху Батяга нагнулся сухой старик, сидящий справа, и шепотом довел ему свое мнение. После этого Батый бросил на княжича взгляд, означающий только одно – хорошо, обоснуй.

Надо отметить, Александр подготовился и довольно дельно растолковал суть дела, а я постарался также толково донести смысл до монголов.

Мол, если начать поход весной, то смерды не засеются, а значит урожая осенью не будет. Не будет урожая, будет голод, и тогда нечем будет платить налоги не только в этом году, но и в последующих. Людишки разбегутся, земля оскудеет и не получат свое не только князья, но и Великий хан, а вот если провести зимнюю кампанию, то совсем другое дело – урожай уже собран, конница пашни не вытопчет.

Он смело взглянул в глаза Батяга и добавил:

– Раз русская земля войдет в улус Джучи, то и относиться к ней надо как к владениям хана и не зорить зря.

Слово главы похода должно быть последним – это непреложный закон, поэтому Батый молча обвел взглядом сидящую по кругу высокородную родню.

Ответил почему-то Кулькан, он хоть и не чингизид, но прямой потомок Темучжина, и на слово в совете право имеет. Он здесь не самый молодой, но, видимо, самый нетерпеливый, раз вызвался первым. Ответил с ленцой, словно объясняя неразумному то, что уже обсуждалось до него не раз.

– Зимой в тех местах снега может быть по пояс, а это значит, – усмехнулся он, повторив мою интонацию, – подножного корма для скота нет, маневра для конницы нет, города урусов превращаются в ледяные крепости...

Он многозначительно замолчал, словно давая понять, что если аргументов недостаточно, то он может накидать подобных доводов еще сколько угодно. Отметив про себя, что слова монгола вполне убедительны, я перевел их Александру и с интересом стал ждать, чем тот ответит. Княжич тянуть с ответом не стал, явно было, что подобные контраргументы его нисколько не смущали.

– Великий хан, – не отвечая Кулькану, он обратился напрямую к Батью, – все это так, но только если на Русь вторгнется чужеродный завоеватель. Тогда да, вся земля от мала до велика поднимется на защиту, а вот если князь киевский Ярослав пойдет войной против князя владимирского Юрия, то города вмешиваться не станут и помощи не дадут ни тому ни другому. Городское вече в таких случаях редко когда встает за своего князя, чаще городская господа склоняется к решению, что это дела семейные, и пусть князья сами выясняют кто из них правее, а им, горожанам, без разницы с кем

договариваться с Юрием ли, или с Ярославом.

После этих слов, к выражению недовольства на лицах степняков добавилось еще и удивленное недоверие. Настолько явное, что в наступившей затем паузе я успеваю мысленно съязвить:

«Что, господа монголы, трудно поверить в существование демократии?»

Александр же, выдержав театральную паузу и обведя взглядом сидящих чингизидов, продолжил:

– Предложение у меня такое. Наши отцы, – тут он глянул на Ростислава Черниговского, – к ноябрю соберут свои дружины, поднимут ополчение и выдвинутся к верховьям Дона. Здесь они соединятся с выделенным им в помощь твоим отрядом, хан, и отсюда объединенная армия под стягами князей киевского и черниговского направится к Рязани и дальше на Владимир. В этом случае города предпочтут в свару князей не ввязываться и в осаду за их интересы не садиться, а предложат как Ингваревичу Рязанскому, так и Юрию Всеволодовичу решать свои обиды в поле, в честном бою. Как пойдет дальше, сейчас можно только предполагать, но если мы будем двигаться стремительно и не позволим Великому князю Владимирскому собрать всех своих сторонников, то шансы на быструю победу очень неплохие. Поэтому, не задерживаясь на осады и грабежи, а лишь принимая присягу с городов, армия пойдет напрямик на Владимир. Заняв Великое княжение Владимирское и разделив всю русские княже-

ства по своему разумению, наши отцы поклонятся Великому хану сей землей и станут его верными вассалами. Таким образом, уже к весне и без больших потерь ты, Бату-хан, сможешь присоединить к империи всю землю Русскую.

После того как я закончил перевод, по кругу побежал разноречивый монгольский шепот.

– В словах уруса есть смысл.

– Чушь, нельзя доверять инородцу!

– Города не подчиняются своим владетелям. Что у них за порядки?!

Мои уши ловят этот разноголосый гомон, а глаза смотрят только на Батыя. Тот продолжает сидеть как каменный истукан, но во взгляде его появилось такое странное выражение, что мне даже подумалось будто он видит в семнадцатилетнем Александре самого себя девятилетней давности, когда на курултае его объявили главой великого западного похода. Такого же юного безусого парня, лишь только подающего большие надежды.

В этот момент, к его уху вновь наклонился тот же жилистый старик и Батый, подняв правую ладонь, потребовал тишины. Гул голосов постепенно стих, а хан, кивнув чему-то услышанному, задал Александру вопрос:

– Как степная конница пройдет по зимнему бездорожью?

Почти сразу перевозжу ответ.

– Пешее ополчение будет двигаться впереди и торить дорогу лошадям, а завалы и засеки будем обходить по замерз-

шим руслам рек.

Не поворачивая головы, Батый вновь провел одностороннее совещание со своим главным советником и, подумав с минуту, безапелляционно изрек:

– Ты, Кулькан, останешься здесь и этой зимой поможешь русским князьям взять власть. Получится – хорошо, не придется терять время. А нет, тогда вернемся весной со всем войском.

Это было так неожиданно, что в наступившей изумленной тишине раздался лишь один возмущенный вопль, это Кулькан аж взвился от негодования.

– Почему это я должен возиться с этими урусами? Я не собираюсь мерзнуть и гробить коней в непроходимых лесах и зимних сугробах!

Бросаю взгляд по сторонам и по лицам монголов понимаю, что это перебор, так вести себя в благородном собрании непозволительно никому, даже высокородному хану. К этому подмечаю еще одну занятную штуку. Все вроде бы принимают право Кулькина на возмущение, но в то же время отводят глаза, словно бы внутренне соглашаясь с решением Батыя, и дело здесь явно не в излишней эмоциональности.

Пытаюсь понять в чем тут заковыка и припоминаю, что Кулькан – это не чингизид, но тем не менее один из младших сыновей Чингисхана. То есть номинальных прав на престол у него нет, но видать, амбиций предостаточно и это сильно настораживает реальных наследников.

«Так вот где собака порылась, – иронично усмехаюсь своей догадке, – для Гуюка, Кадана и того же Батыя, Кулькан может быть серьезной занозой в заднице и избавиться от него, хоть и на время, они все не против. Типа, пусть он набивает себе шишки в русских лесах, подальше от основной армии. Не получится – пострадает авторитет лишь Кулькиана, а получится, так все равно ни громкой славы, ни богатой добычи там не найти. А все это очень скоро будет иметь огромное значение, ведь Угедю осталось править года три не больше».

Пока я строил свои мысленные комбинации, на ковре Большой юрты разгорелось настоящая война взглядов. Глаза старика за спиной Батыя скрестились с глазами Кулькиана в безмолвном сражении.

Я уже догадался, что седой, жилистый советник Бату хана – это легендарный Субэдэй багатур, негласный главнокомандующий всей монгольской армии в западном походе. Его жгущие Кулькиана глаза требовали подчинения прямому приказу Батыя. Они словно бы вколачивали в мятежную голову нойона упрямую истину. Бату избран курултаем и утвержден Великим ханом Удееем, неповиновение повлечет неминуемое наказание вплоть до казни.

Еще несколько секунд этого противостояния и Кулькан сдался. Отведя взгляд в сторону, он процедил сквозь зубы:

– У меня в тумене большие потери, едва ли половина наберется.

Субэдэй тут же погасил в глазах гнев, словно бы говоря

– вот это другое дело, это деловой разговор. Нагнувшись к Батыю, он вновь пошептался с номинальным командующим, и тот, глядя на Кулькана, произнес:

– Тебя усилит корпус Бурундая. – Впервые, на лице Батыя появилось что-то вроде ироничной усмешки. – У него тоже недостача большая. Глядишь, вдвоем вы как раз на полноценную тьму и наберете.

Сделав свои дела, запахиваю халат и вспоминаю, как в ответ у Кулькана заходили от злости скулы, как он сдержался и молча проглотил обиду.

«Ведь, наверняка, у каждого из этих чингизидов полно за душой таких обид, – подумалось мне, – как при такой враждебности друг к другу им удастся сохранять общий порядок и организованность всего войска? Вот это загадка».

Шагаю к своей юрте и понимаю, что на этот вопрос ответа мне никто не даст, пока я сам не увижу их в деле и не смогу в реалиях оценить, в чем же скрыта монгольская непобедимость.

К сожалению, эта трагическая возможность приближается с каждым днем. Орда Кулькана медленно движется по левому берегу Дона, воины Бурундая отдельными отрядами рыщут по степи вокруг в поисках возможных половецких отрядов. Мне отведено место переводчика в свите нойона Турслана Хаши. Он, как я уже понял, де факто является человеком Батыя в Кулькановской орде, а де юре, возглавляет посольско-разведывательную миссию по сотрудничеству с со-

юзными русскими князьями.

Кстати, моего желания занять это «важный чиновничий пост» никто не спрашивал. Батый лично оценил мои лингвистические таланты и особой милостью наградил меня сим ответственным заданием на время русского похода. Спорить, по понятным соображениям, я не стал.

После этого, свободного времени у меня появилось предостаточно, и в основном, я тратил его на размышления по одному не дающему мне покоя вопросу. Что мне делать? Остаться в роли пассивного наблюдателя или попытаться хоть что-нибудь предпринять для спасения Руси. Первый вариант казался во всех отношениях предпочтительней. Спокойно отсидеть положенный срок, все записать, прихватить, если получится, парочку вещественных доказательств, по возвращении настроичить докторскую и прогреметь в историко-археологических кругах. Я бы так и остановился на этом, но совесть, будь она неладна, грызет и грызет, сколько бы я не пытался убедить себя в нелепости своего вмешательства.

«Что я смогу сделать? Бегать орать – не верьте монголам, не верьте своим князьям! Кто меня, «латинского священника», будет слушать?! Придушат по-тихому и никому никакой пользы».

В общем, пока мне удалось договориться с самим собой на таком компромиссе. Буду смотреть, анализировать события и искать возможности вмешаться. Если таковые появятся, но только чтобы вот прям реально повлиять на события, тогда

черт с ним, рискну, а коли нет, то не обессудьте... Не судьба.

Самое печальное, что я не понимаю с какого бока к этой проблеме подступиться. Ну вот, например, сбежал я от монгол и каким-то чудом добрался до Рязани и предстал перед князем. Что я ему скажу? Ярослав и Михаил стоворились с татарами и идут против тебя и Юрия Всеволодовича. Так ведь, черт возьми, он и так это знает! Что еще?!

Могу, конечно, сказать, чтобы не выходил в поле, а укреплялся в городе, а еще лучше, отходил к Коломне, на соединение с владими́ро-суздальскими полками. А он мне на это что ответит? Первым делом спросит – кто ты таков, откуда все знаешь и почему я тебе должен верить? Еще, не дай бог, заподозрят в шпионаже и на дыбу отправят. Как пить дать отправят, они здесь это любят, подкрепить, так сказать, показания пыткой. Да и потом, то что я ему посоветую и так очевидно любому, сколь-нибудь опытному военачальнику, а Юрий Ингваревич не в одном походе участвовал, дело свое знает, но при этом поступит по-другому. Значит, у него на это будут свои причины, о которых я не знаю. Я вообще мало что знаю.

Получается, ничем конкретным помочь Рязанскому и Владимирскому князьям я не могу, хоть и из двадцать первого века. Остается только ждать и пытаться понять, можно ли вообще изменить эту историю.

Глава 7

Размышляя, неспешно бреду по покрытой инеем траве и тут вижу, несется навстречу Куранбаса. Без шапки, глаза выпучены – явно на взводе. Завидев меня, припускается еще быстрее. Подскочив, бормочет, задыхаясь от быстрого бега.

– Хвала Синему небу, нашел!

При этом, на лице моего половецкого друга и слуги в одном лице написано такое безграничное облегчение, что не могу удержаться от сарказма.

– Давно не виделись, успел так сильно соскучиться?

– Нет. – Он отвечает на полном серьезе, поскольку сарказма не понимает напрочь. – Там Турслан Хаши вас ищет! Обещал голову мне снести, если немедля вас не найду и к нему не доставлю.

Цепкая рука степняка вцепилась в рукав и тянет меня за собой, так что я прибавляю шагу.

– Да что случилось-то? – Спрашиваю уже почти на бегу, и мой слуга, не оборачиваясь, бросает назад.

– Посольство прибыло от урусов.

– И что? – Вырывая рукав, резко перехожу на шаг. – Земля развернется, если пяти минут не подождать?!

Не решаясь схватить меня вновь, Куранбаса начинает канючить.

– Молю вас, пойдите быстрее. Турслан Хаши словно с цепи сорвался. Говорят, Кулькан наорал на него, что толмача нет, вот он и взбесился, а с ним, вы же знаете, лучше не связываться.

– Черт! – Ругаясь, вновь перехожу на бег вслед за половцем. – Что за посольство среди ночи?!

Справедливости ради, надо сказать, что не такая уж и ночь, скорее обычное, хмурое ноябрьское утро, но я все равно ворчу до самой юрты Кулькана. По пути Куранбаса выложил все, что он знал по поводу визита русских. Оказывается, вчера передовые отряды Бурундая пересекли границу Рязанского княжества. До столкновения дело не дошло, но старший сын князя, что командовал вышедшим навстречу сторожевым полком, срочно прислал посольство, дабы определиться с намерениями монгол.

Уже на подходе к ханской юрте вижу выстроившихся личных телохранителей Кулькана, колышущиеся на ветру бунчуки и с десятков спешившихся рязанских воинов. Разглядывать дольше мне не позволил подскочивший аль Хорезми.

– Где вас носит, Иоанн? Нойон в бешенстве. Хан ждет. Возмущенно пожимаю плечами.

– Помочиться уже нельзя спокойно! Могли бы и вы, – вкладываю в голос максимум язвительности, – досточтимый Фарс, потряхнуть стариной и перевезти хану.

Хорезмиец фыркает на ходу и в язвительности мне не уступает.

– Мог бы, но Кулькан, видите ли, вас желает.

Дальше уже идем молча, но на входе я неожиданно оставившись и пропускаю хорезмийца вперед. Не ожидавший такого подвоха, аль Хорезми влетает в шатер и получает от не привыкшего ждать чингизида полный «ушат дерьма». Подождав, когда за пологом немного утихнет, захожу вовнутрь и чувствую себя при этом прожженным восточным царедворцем. Навстречу, удивленный таким коварством, взгляд хорезмийца, злобная искра от Турслана Хаши и все. Я спокойно занимаю положенное мне место. Кулькан, уже выплеснувший накипевшую злость, устало машет рукой – наконец-то. Пусть ведут послов.

Через пару мгновений охрана ввела в юрту трех посланников рязанского князя. На всех троих длинные, до колен, кольчуги, добротные кожаные сапоги – сразу видно, люди не бедные. Приложили открытые ладони к груди, поклонились. Даже не в пояс, а так, едва склонив головы, как равные с равным. Я им едва в глаза глянул и сразу понял, добром это посольство не кончится.

За те два месяца, что мне пришлось провести в степной орде, я уже успел познакомиться с чудовищной натурой хана Кулькина. То, что воин он превосходный и военачальник неплохой, сомнений не вызывает, но вот как человек – полное дерьмо. Капризный, вспыльчивый и злобный. Жесток и злопамятен до параноидальности. То ли били его в детстве нещадно, то ли другая какая обида засела в сердце, но

ему просто необходимо постоянно ощущать свое превосходство над другими людьми. И выражается оно, конечно же, в неуважении ко всем и вся, и к своим близким в том числе, в оскорблениях, в прилюдных избиениях, и в придирчиво-мелочном отношении к малейшему несоблюдению этикета.

Вот и сейчас, вижу, как глядя на послов, зажегся дьявольский огонь в глазах хана, а те, словно не замечая опасности, прут на рожон и заявляют.

– Почто ты, хан, орду свою у границ княжества держишь? Нет ли в мыслях твоих зла на Рязани сотворить?

Перевожу, стараясь максимально смягчить фразу, но Кулькан уже завелся.

– Кто вы такие, чтобы спрашивать с меня, сына Великого Чингисхана?! Я, и только я, решаю, где мне пасти своих коней, а где нет!

После такой недвусмысленной угрозы, рязанцы опасность осознали, но, нахмурившись, на попятный не пошли.

– Мы хозяева земли здешней и право спрашивать заслужили железом и кровью.

И без того узкие глаза хана превратились в едва различимые щелки.

– На всей земле есть только один хозяин – Великий хан монгольский, а у всех остальных есть лишь выбор: покориться или умереть. Преклоните колени передо мной, тайцзы Кульканом, и, может быть, я подарю вам жизнь.

Вокруг все напряжинились, охрана схватилась за рукояти

сабель, а послы тревожно переглянулись между собой. Тот, что постарше с окладистой бородой, выступил вперед.

– Мы здесь не за тем, чтобы на коленях перед тобой ползать. Князь послал нас сказать тебе – убирайтесь с земли Рязанской или навеки в ней успокойтесь.

– Собака! – Лицо хана скривилось от ярости, и он наотмашь рубанул рукой.

Охрана восприняла это, как знак к расправе и накинулась на послов. Поначалу, они хотели их повязать и вытащить из юрты, дабы не пачкать ковры кровью, но русские не дались, и завязалась драка. Посыпались удары, и первая кровь, несмотря на численное превосходство, брызнула из монгольского носа.

Бешено вращая глазами, Кулькан несколько секунд смотрел на царящее перед ним безобразие, а затем, не выдержав, рванул с пояса нож и бросился в схватку. С первого же удара, стальное лезвие нашло цель, и шея одного из рязанцев зафонтанировала кровью. Двоих оставшихся завалили на пол, и хан, кривя рот от удовольствия, зарезал их тут же собственной рукой.

Произошедшее настолько ошеломило меня, что я застыл заледеневшим столбом. От запаха крови заложило нос, колени ослабли, а желудок крутануло рвотным спазмом. До сего дня я видел убийство лишь на экране, а тут... Еле сдержав еще один спазм, я, зажимая ладонью рот, рванулся к выходу. Протаранив полог головой, выскакиваю на воздух, но там

то же самое. Кругом кровища, ругань и вой. Монголы рубят свиту рязанского посольства.

Развернувшись, бросаюсь в другую сторону, все равно куда, лишь бы подальше. Не успеваю сделать и шага, как меня сбивают с ног, и навалившаяся туша шипит голосом Куранбасы.

– Лежите тихо, святой отец, а то, неровен час прирежут по ошибке.

Затихнув, тыкаюсь лицом в морозную траву. От холода вроде легчает, и выдохнув, рычу наверх.

– Все! Слезай с меня, живо!

Половец сползает и ложится рядом. Его спокойный, разумный взгляд смотрит мне прямо в глаза.

– Не вставайте, подождем, пока все закончится.

Бухаюсь опять лбом в траву и лежу. В висках пульсирует одна единственная мысль: «К черту все! К черту! Отпустите меня домой!»

Сколько времени я пребывал в таком состоянии, не знаю. Как встал, куда шел, с кем, не помню напрочь. По-настоящему пришел в себя, лишь услышав.

– Глянь, один живой.

Из-под груды мертвых тел, ханские телохранители вытащили пожилого мужика, залитого кровью. Один из них, запрокинув жертве голову, уже взмахнул саблей, но окрик Кулькана остановил его.

– Оставь! – Хан покрутил головой. – Толмача мне найди-

те.

Чувствую легкий тычок в бок, и слышу голос моего ловца.

– Пропустите, не толпитесь.

Протискиваюсь в расступившийся коридор и оказываюсь прямо перед ханом. Смотреть на него не могу, сразу перед глазами всплывает распоротое горло. Не поднимая глаз, шевелю плохо слушающимся языком.

– Я здесь.

Кулькан пройдясь по мне невидящим взглядом бросает.

– Скажи этому... – он не находит подходящего слова. – Пусть возвращается и известит князя своего, что так будет со всеми, кто не покорится.

Перевожу, а на меня с залитого кровью лица в упор смотрит единственный видящий глаз. Смотрит с такой тоскливой безнадегой, что во мне вдруг щелкает какая-то еще не осознанная мысль, заставляющая меня повернуться к хану и произнести.

– Этот человек не доедет в таком состоянии, кровью изойдет. Перевязать бы надо.

Кулькан смотрит на меня, как на заговорившую лошадь, а затем фыркает.

– Зачем? Если сдохнет, то туда ему и дорога.

– Умрет – не передаст слово ханское, – я уже настолько поднаторел в общении с этими людьми, что знаю на какие кнопки души надо жать, – а слова хана должны быть услы-

шаны, чтобы не случилось.

Кулькан задумывается, причмокивая губами, словно пробует мои слова на вкус, и вдруг растягивает рот в ухмылке.

– Хитер ты, латинянин, ой хитер. – Он тычет в меня пальцем. – Хорошо, займись им, чтобы доехал и по дороге не сдох. Мои слова должны быть услышаны.

***

В юрте чадит масляный светильник, в свете которого Калида жутковатой кривой иглой штопает порубленного мужика. Тот в сознании, мычит и грызет зажатую в зубах палку. Резко воняет кровью и потом. Сидя в противоположном углу, я стараюсь не смотреть в ту сторону. Мутит.

Сижу, скрестив ноги, и в который уже раз спрашиваю себя:

«Зачем я ввязался? Этот параноик Кулькан запросто мог и меня прирезать, чтобы не умничал. Ведь все равно ничего не изменить! Мужик так и так умрет, ведь здесь ни бинтов, ни антибиотиков... Да и вообще, мне-то какая разница – одним больше, одним меньше».

Ответов на вопросы, естественно, не нахожу, и от полной бессмысленности своих действий все больше раздражаюсь на самого себя.

К счастью, слышу за спиной удовлетворенный голос Калиды.

– Кажись, все!

Это значит, можно отвлечься от бессмысленных мыслей.

Встаю и подхожу к раненому. Тот выглядит не так уж и плохо. По-настоящему серьезная рана только одна – на груди. Ее то Калида и латал все это время, а остальное так, мелочи. Промыли, замотали тряпками, даст бог затянется. Глаза, к счастью, тоже целы. Один просто полностью заплыл кровоподтеком, а второй вон, пронзает меня вопросительным взглядом, мол, зачем спас, кто ты такой и что тебе от меня надо?

«И этот туда же – зачем? – Возмущенно ругаюсь в душе. – Откуда я знаю. Просто сделал доброе дело, и надеюсь, мне это зачтется». Вслух же говорю строго и уверенно, с твердым нажимом в голосе.

– Ты на меня не зыркай. Отвечай, кто таков, как зовут?

Я же учитель, а первое правило учителя гласит. Что бы не случилось, главное, излучай уверенность. Когда тебя постоянно оценивают десятки глаз, все сомнения должны оставаться внутри, а снаружи только полная убежденность в знании того, что делаешь. А в том, что мои действия оценивают сомнений нет никаких. Куранбаса, тот мне уже спину взглядом прожег, и едва ли не вслух возмущается – зачем мы из-за этого русса подставляем, да и Калида тоже все время щурится так, словно под кожу мне заглянуть хочет. Эти люди вроде бы мне служат и по большому счету меня мало должно волновать их мнение, но с тех пор как они появились в моей жизни, меня не покидает смутное ощущение, что это неспроста.

На виске у раненого вздулась от напряжения вена, и он через силу, все же выдавил из себя.

– Ярема я, из боевых холопов боярина Козима.

«Боярин Козима, наверно, один из тех, кого в ханской юрте убили. – Прокручиваю еще раз недавние события и тут начинаю четко осознавать мотивацию своих поступков. – Глупо обманывать самого себя. В глубине души ты давно уже все понял. Ты этого мужика вытащил, чтобы рязанского князя оговоре предупредить и, возможно, ход истории изменить. – Непроизвольно оборачиваюсь, не подслушивает ли кто. – А за это, как ты сам знаешь, наказание неминуемо последует, а если еще и Кулькан узнает, то и ждать не придется. Кожу со спины сдерут и на дороге подыхать бросят».

Бросаю взгляд на своих так называемых слуг, и несмотря на дрожь в коленях, решаюсь.

– Куранбаса, принеси воды. – Быстро пытаюсь придумать: куда бы отправить второго и, не найдя ничего лучшего, отправляю его за дровами.

Эти двое особо не торопятся и подозрительно косятся в мою сторону, так что я не выдерживаю.

– Давайте живо, я что вас ждать должен?!

Это подействовало, и они тут же выскакивают из юрты. Едва полог закрылся, я повернулся к раненому.

– Утром тебе дадут лошадь и отправят обратно в Рязань. Я хочу, чтобы ты передал князю мои слова. Пусть в поле войско не выводит, татары здесь не одни. Ярослав Киевский

и Михаил Черниговский с ними заодно. Пусть князь ваш с дружиной и со всем городом садится за стены, в оборону, и ждет подхода подмоги от Юрия Всеволодовича. Это ваш единственный шанс выжить.

Пока говорил не замечал, а вот выпалил все и вдруг увидел, как округлился от изумления выпученный на меня глаз. Не совсем поняв в чем дело, спрашиваю:

– Ты понял меня?

Мужик кивает, а затем вдруг произносит.

– Зачем?

Теперь мой черед удивленно умолкнуть. Пока я решаю, что он имеет в виду, раненый повторяет.

– Зачем мне к князю с этим идти. То, что Ярослав с Михаилом воду в городе мутят и войной идут, так то и так все ведают. А по воинским делам, Юрий Ингваревич страсть как не любит, когда низшие людишки не в свои дела лезут. В поле или в осаду, это уж он сам пусть решает, не мое это дело.

Не знаю, чувствовал ли я себя когда-нибудь большим идиотом, чем сейчас. Я тут переживаю, рискую, можно сказать, жизнью, а никому, оказывается, это не нужно. В довершении к чувству чудовищного унижения, в голове зазвучал знакомый каркающий смех, и слова моего куратора резанули сознание.

«Вижу, не уймешься никак... Оставь! Ведь мое терпение не безгранично. Не наказываю тебя только потому, что это даже не попытка была, а так, глупость несусветная, но...

Запомни и на носу себе заруби, большие поблажек не будет».

Голос старика давно затих, а я все еще продолжаю стоять в полном ступоре. Давит ощущение стыда и полной раздавленности. В горячечной пустоте разум пытается отвлечься от пережитого унижения и страха. Словно назло прозвучавшей угрозе, он копается в воспоминаниях и, оправдываясь, строит какие-то новые логические цепочки.

«Ерунда! Ерунда полная. – Крутится мозг раз за разом. – Если рязанский князь все знает, то зачем добровольно лезет в капкан?»

Грызущее изнутри непонимание, неожиданно выплескивается в раздраженном вопросе.

– Если уж вы там, в Рязани, все знаете, то зачем послов к хану прислали? Только людей зря положили!

Ярема приподнимается, прижимая к груди повязку.

– Странный ты человек, – его единственный глаз впивается мне в лицо, – не пойму я тебя. Вроде бы искренне переживаешь, а почему непонятно. Ведь ты чужой. Священник откуда-то с запада. Зачем тебе лезть в наши дела?

Я молчу, а он, не дождавшись ответа, продолжает.

– Зачем приехали? Неужто не понятно – разведка. Князю надо знать: сколько здесь татар собралось, чем вооружены, есть ли брони?

На это мой рот кривится в непроизвольной усмешке.

– Выходит, не справились вы, подвели князя.

– Выходит так, – рязанец тяжело вздыхает, – ты, святой

отец, обиду на меня не таи. Вижу, советуешь ты от чистого сердца, только как Юрию Ингваревичу на Рязани в осаду сесть, ежели город отказывается. Вече и господа городская порешили против Ярослава не идти и в распри его с братом не лезть, а князю сказали так: «Коли хочешь в спор Всеволодовичей вмешиваться, то бери дружину, да людей охочих, и выходи в поле, а город в сем деле тебе не подмога».

Я вдруг вспоминаю слова Александра на совете у Батыя и только сейчас осознаю, какую мину тот заложил под организацию сопротивления монголам. Ведь сейчас народ на Руси думает, будто идут обычные княжеские разборки, а когда прозреет, то уже поздно будет.

Мысли хаотично заметались в голове, пока не вылились во вроде бы приемлемое решение.

– Тогда, пусть князь рязанский отходит к Коломне на соединение с Юрием Владимирским. Вместе у них больше шансов победить.

Кривясь от боли, Ярема усмехнулся.

– Это вряд ли. Ингваревич к Всеволодовичу на поклон не пойдет. Скорее всего, князь постарается не допустить соединения татар и киево-черниговского войска. Так во всяком случае, Козима считал. Первым ударом лучше всего сначала разбить татар, а потом уж можно будет и со своими разговаривать.

«План неплохой, – мысленно оцениваю стратегический талант рязанского князя, – вот только сила и количество

монгол сильно недооценены. Если Рязань городской полк собирать не станет, то у Юрия будет тысячи две не больше, а у Кулькана десять. Арифметика явно не в пользу рязанского воинства».

Подумал так, а вслух говорю:

– Ты татар сам видел. Их больше чем вас в три раза, и дисциплина у них на высоте. Даже если ударите неожиданно, не поможет. Заманят в ловушку и перебьют. Запомни, пойдете одни – погибните ни за что. Так и передай князю. Пусть умерит свою гордыню и отходит к Коломне под крыло Великого князя Владимирского.

Глава 8

На то, что меня послушают, надежда была слабая, а сегодня с восходом, когда по лагерю пролетел сигнал тревоги, она погасла окончательно. Орда начала спешно сниматься с лагеря и выдвигаться. Что случилось и куда так спешно направляются, об этом меня, конечно же, в известность не поставили, но слухи разные доносятся. Куранбаса потерялся среди своих, их в орде Кулькана немало, и принес новость. Разъезды Бурундая засекли рязанское войско у реки Воронеж. Двигается быстро и будет здесь уже к обеду.

Мои ребята торопливо собираются вслед со всем лагерем. Мимо, в сторону холмов, проходит тысяча турхаудов. От поступи тяжелой, бронированной конницы дрожит под ногами земля.

«Впечатляет». – Ворчливо бормочу про себя и, забравшись в седло, готовлюсь тоже тронуться в путь.

Калида к этому времени уже собрал все наше добро, и теперь они вдвоем с вернувшимся половцем выючат его на лошадей. Вся орда в движении. За внешним сумбуром просматривается четкий, раз и навсегда заведенный порядок. Каждая тысяча строится под свои значки, передовые сотни спешно занимают господствующие высоты, а обоз и заводные табуны оттягиваются назад, поглубже в тыл.

Смотрю, как закончив сборы, Калида взлетает в седло, и у меня появляется ощущение, что этот мужик только этим всю жизнь и занимался. Хмыкаю про себя:

«Видать, увлекся, подзабыл, что он нынче бродягу бездомного изображает».

Еще раз убеждаюсь в его военном прошлом, когда тот, подъехав вплотную, говорит буднично и рассудительно, как человек привыкший к такой обстановке:

– Вы с половцем держитесь поближе к ханской ставке, а я с поклажей к общему обозу прибыюсь.

Молча киваю. Это понятно, лишних людей все равно к хану не подпустят, а за добром, по-любому, пригляд нужен.

Калида разворачивается, а мы с Куранбасой, пришпорив коней, пускаем их в галоп вслед за ханскими бунчуками (бунчук – копьё с привязанным хвостом коня, играющее роль знамени).

Тут уж я головой не кручу, скачка по неровному полю требует от меня полной концентрации. Несусь вслед за половцем и расслабляюсь, только когда моя кобыла переходит на шаг. Поднимаю взгляд. Мы на вершине пологого холма. Перед нами спуск, а за ним ровная степь, ограниченная с юга лентой реки, а с севера дубовой рощей, переходящей в густой смешанный лес. Ниже по склону, в три линии выстроились монгольские всадники, а дальше, на другом конце равнины, крохотными солдатиками застыли плотные ряды противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.